

РОБЕРТ
БРЫНДЗА

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

ПОТЕРЯННАЯ ЖЕРТВА

НАСТАЛО ВРЕМЯ ПОЙМАТЬ
СЕРИЙНОГО УБИЙЦУ

18+

Новый мировой триллер

Роберт Брындза

Потерянная жертва

«Издательство АСТ»

2024

УДК 681.5821.111-312..4(41)
ББК 84(4Вел)-44

Брындза Р.

Потерянная жертва / Р. Брындза — «Издательство АСТ»,
2024 — (Новый мировой триллер)

ISBN 978-5-17-171619-6

В 1988 году в одном из неблагополучных районов Лондона исчезла школьница Джейни Маклин. Ее дело быстро заглохло: не было ни тела, ни свидетелей. Спустя тридцать лет к частному детективу Кейт Маршалл обращается продюсер подкаста о настоящих преступлениях с вопросом: а что, если Джейни убил Питер Конвей, известный каннибал? Расследование этого дела могло бы стать самым запоминающимся и прибыльным в карьере Кейт. Но этот случай всколыхнул болезненные воспоминания из ее непростого прошлого, о которых детектив Маршалл предпочла бы больше никогда не вспоминать. Кейт Маршалл и ее помощник Тристан берутся за дело, скрепя сердце. Куда приведет их расследование и какие давно забытые тайны им придется раскрыть в поисках истины.

УДК 681.5821.111-312..4(41)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-171619-6

© Брындза Р., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Роберт Брындза

Потерянная жертва

Robert Bryndza

The Lost Victim: A Kate Marshall Mystery

© Raven Street Ltd 2024

© Смирнова А. С., перевод, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Посвящается Хизер и Лесу

*Мы можем быть здесь, мы можем быть там,
Но вечный Лондон идет по пятам.*

Томас Мур

Пролог

Пятница, 23 декабря 1988 года

Воздух был пронзительно холодным, когда Джейни Маклин спешила по темной улице, пролегающей за станцией «Кингс-Кросс Сент-Панкрас», мимо зданий тюрьмы на левой стороне дороги, мимо высокой кирпичной стены, идущей вдоль железнодорожных путей. Желудок сводило от голода, фунт и пятьдесят пенсов, которые мать дала ей на сигареты, обжигали руку. От грохота товарного поезда, проходящего по другой стороне улицы, задрожал тротуар.

Джейни застегнула молнию на куртке, почти такой же тонкой, как ее синяя школьная юбка плиссе, и, низко опустив голову, чтобы холодный ветер не так бил в лицо, пересекла улицу. Прошла мимо уличного кафе «Золотая обжарка». Большое панорамное окно запотело, и мигающие рождественские огни побледнели в дымке конденсата. Внутри было оживленно. Молодая мать за столиком у окна угощала маленькую девочку жареной картошкой. Аромат горячей рыбы ударил в ноздри Джейни, когда она проходила мимо двери, а потом его сменил холодный, резкий запах канализации и грязи. Запах Лондона.

Дойдя до яркого уличного фонаря у газетного киоска «Рейнольдс», она увидела Роберта, молодого помощника Джека, хозяина киоска. Роберт убирал пустые газетные стенды, а маленькая, шоколадного цвета собачка с серьезной седеющей мордочкой терпеливо сидела у двери и присматривала за ним. Джейни любила собак; она всегда хотела завести свою, но владельцы квартир в многоквартирном доме, где они жили, этого не позволяли. Джейни протянула руку, собачка обнюхала и лизнула ее.

Сутулый старик в шляпе пирожком и длинной потертой овчинной шубе осторожно вышел из дверей. Под мышкой он нес большой коричневый бумажный пакет, в каких Джек продавал клиентам лучшие порножурналы.

– Добрый вечер, милая.

– Добрый вечер, – ответила Джейни.

Сквозь коричневую бумагу просвечивали едва различимые очертания блондинки с огромным бледным бюстом.

– Пойдем, Виски, – сказал старик.

Собака посмотрела на него и моргнула, потому что снежинка попала ей в глаз.

– Похоже, ночь будет морозная. Не знаю, как ты домой пойдешь, милая.

В газетном киоске было ненамного теплее. Запах чистящего средства и вонь плесени перекрывали друг друга, боролись за первенство. Джейни прошла мимо мужчины, стоявшего к ней спиной и разглядывавшего журналы на верхней полке. Джек, застывший у стойки, сгорбился над гигантской бухгалтерской книгой со скрученными страницами – зажав в руке, обтянутой перчаткой без пальцев, обгрызенную шариковую ручку, подсчитывал цифры. В углу расположился небольшой электрический обогреватель, и голым ногам Джейни стало чуть теплее.

– Пачку «Ламберт и Батлер», пожалуйста, – сказала она.

Джек поднял на нее слезящиеся глаза. Джейни, похожая на птицу, любившая танцевать, была высокой для своего возраста, но слишком худой; ее фигура еще не оформилась, и она вряд ли сошла бы за совершеннолетнюю. Однако в киоске, которым управлял Джек, не имело никакого значения, сколько тебе лет, – гораздо важнее было, кто ты. Он кивнул, потянулся, достал пачку сигарет с высокой витрины за спиной и положил на стопку газет «Воскресный спорт», перевязанную шпагатом.

– Сто сорок пять, – сказал он.

Джейни опустила фунт и пятьдесят пенсов в его ладонь в грязной перчатке.

– Можно мне, пожалуйста, сдачу пятипенсовой монетой?

Он вздохнул, будто эта просьба была для него большим неудобством, однако, порывшись в открытой кассе и что-то бормоча, вынул новенькую, блестящую серебряную монету и накрыл ей правую обнаженную грудь модели, украшавшей обложку «Спорта».

– Спасибо.

Когда Джейни везло, мать позволяла ей оставить сдачу себе и поиграть в аркадный автомат «Космические захватчики», прежде чем вернуться в паб. А если мать видела, что она присматривает за младшей сестрой Максин, она покупала девочкам стакан кока-колы и пакет чипсов.

Джейни сунула пачку сигарет в карман пальто. Киоск опустел, и Джек вслед за ней прошел к двери, где возился с рюкзаком Роберт. Он был на несколько лет старше Джейни, с густыми сальными черными волосами до плеч и маленькими карими глазками.

Джейни и Роберт вышли за дверь, Джек захлопнул ее и перевернул табличку на «Закррито». Свет под навесом погас, и мир погрузился в темноту.

Снег повалил сильнее, холод обжег спину Джейни сквозь тонкую ткань.

– Хочешь, подвезу? Я сегодня на фургоне, – нетерпеливо спросил Роберт, указывая на большой белый фургон, припаркованный напротив.

Джейни замялась. Неосвященный участок дороги теперь казался длиннее, до паба было десять минут ходьбы, и ей хотелось скорее оказаться в тепле, есть чипсы с солью и уксусом и играть в «Космических захватчиков».

– Мне нетрудно. Куда тебе нужно?

Роберт всегда казался милым, когда она приходила купить сигареты. Но было в нем что-то безнадежное, и это ее отталкивало.

– В «Кувшин».

– Любишь выпить? – Он рассмеялся, обнажив острые зубы, крошечные, будто молочные.

– Мама ждет их, – ответила Джейни, показав ему пачку сигарет. Мокрый снег падал ей на макушку, одинокая снежинка пробралась под воротник, ожгла кожу между лопатками.

Он вновь рассмеялся.

– Я как раз туда и еду. Хочешь, высажу тебя снаружи?

Дверь в киоск опять открылась, вышел Джек с папкой под мышкой. Теперь на нем была теплая шерстяная шапка, поверх длинного грязного пальто он намотал шарф.

– Еще не разошлись по домам? – пробормотал он и зажег сигарету, зажатую во рту.

– Я предложил Джейни ее подвезти, но она волнуется, что я какой-то... – ответил Роберт.

– Нет, милая, он никакой, – ответил Джек и расплылся в редкой ухмылке, довольный собственной шуткой. – Ну, в смысле, нормальный.

В его интонации было что-то такое, отчего слово «нормальный» прозвучало как оскорбление.

– Счастливого Рождества, босс, – сказал Роберт.

Джек обвел его взглядом.

– Чего? А, да. И тебе того же.

Он помахал ребятам рукой, повернулся и побрел прочь. Над колоссальными газовыми вышками кружились облака снежинок.

– Ну так что? Подвезти тебя, а? – вновь спросил Роберт.

Джейни закусила губу. К тому времени ее туфли промокли, и она дрожала.

– Давай. Спасибо.

Они перешли дорогу к фургону. Краску на его кузове перекрывал слой грязи и саж, на боках застыла серая жижа.

– Хочешь сесть спереди или сзади?

– Я уже достаточно взрослая, чтобы сидеть спереди.

– Это фургон. Тут нет задних мест... Шутка.

– Спереди, – сказала Джейни, начиная раздражаться.

Роберт открыл пассажирскую дверь и помог Джейни подняться на маленькую ступеньку. Внутри стоял застарелый запах жареной еды и сигарет, пластиковые сиденья заledenели. Потребовалось несколько попыток, чтобы завести двигатель, после чего Роберту пришлось включить дворники, чтобы счистить скопившийся снег с лобового стекла. Джейни не знала, как заполнить тишину, и была рада, когда они наконец выехали на дорогу. Они проехали мимо кафе «Золотая обжарка». Он не сбавил скорость, когда приблизились огни в окнах «Кувшина».

– Вон он, паб, – подсказала Джейни.

– Не хочешь заехать в кафе, поесть жареной картошки?

Джейни наблюдала, как пролетела мимо покачивающаяся вывеска над дверью паба.

– Кафе мы тоже проскочили, – сказала она, начиная паниковать, когда и его светлые окна скрылись из вида. – Меня мама ждет.

В конце дороги Роберт резко повернул налево, едва сбавив скорость, и вот они уже мчались по заброшенной зоне к каналу и гигантскому газовому заводу. Джейни попыталась открыть дверь, но ручка только хлопала.

– Выпусти меня. Пожалуйста.

Роберт включил радио, и зазвучала песня «Хочу, чтоб Рождество к нам приходило каждый день».

– Что скажешь? Колонки-бумбоксы! Разве они не классные? – завопил он, пытаясь перекричать музыку.

Джейни хотелось в теплый паб, к сестре и маме, даже если ей предстояло провести всю ночь в пропахшей дымом одежде, маясь от голода и скуки. Она поцарапала дверной замок, пытаясь его открыть, но Роберт надавил на тормоза. Джейни не была пристегнута ремнем безопасности, и ее резко отбросило к лобовому стеклу.

– Зачем ты пытаешься выбраться?! – закричал Роберт. Его лицо теперь было красным и злым. – Я просто везу тебя поесть картошки. Я просто хочу быть милым!

Он включил аварийные огни. Джейни, еще не придя в себя после удара, лежала под сиденьем. В виске пульсировало, и, приложив к нему руку, она увидела кровь.

– Черт. Ты поранилась, – пробормотал Роберт.

Заиграли первые такты песни группы «Слейд», «Всем счастливого Рождества». Он убавил громкость, наклонился к Джейни. Она вздрогнула, когда он помог ей снова сесть на сиденье. Роберт натянул на нее ремень безопасности и со щелчком застегнул.

– Пожалуйста, выпусти меня, – взмолилась она, по-прежнему держась за висок.

Крови было довольно много. Роберт открыл бардачок. Внутри лежали пакетики из-под чипсов, документы и красный шарф.

– Это мой шарф?

– Да.

Он улыбнулся и протянул его Джейни. К тонкому материалу была прикреплена маленькая напечатанная этикетка с ее именем.

– Зачем он тебе? – спросила она, зажимая шарфом рану.

– Ты уронила его пару недель назад, когда к нам приходила.

– Почему ты мне его не вернул?

Аварийный сигнал громко щелкал в тишине. Теперь они были у канала, прямо перед ними раскинулся газовый завод. Круглые башни заслоняли свет, все вокруг казалось черным и блестящим, как смола.

– Ты мне нравишься, Джейни. Я думал, что тоже тебе нравлюсь.

Сердце Джейни гулко заколотилось. Она была в замешательстве. Ей показалось, что у Роберта обиженный вид.

– Ты мне нравишься.

– Ты, наверное, голодна? Так почему не хочешь сходить в кафе?

Джейни убрала шарф с раны. Кровь уже не текла, но в виске по-прежнему пульсировало. Она посмотрела на замок в дверной раме под окном. Если она быстро его поднимет, сможет ли открыть дверь и убежать? Роберт включил противотуманные фары, осветил плотную стену снежинок, круживших над каналом.

– Может, тогда сходим в «Золотую обжарку»? – предложила Джейни. Если они поедут обратно, то она попробует сбежать, решила она. «Кувшин» был недалеко.

Он рассмеялся.

– Если мы туда поедem, ты ведь удерешь, верно? Ты же хитрая мартышка.

– Нет, – тихо сказала она. Ей было уже по-настоящему страшно.

– Кафе возле моего дома намного лучше, чем «Золотая обжарка». Когда ты попробуешь, какая там картошка, ты согласишься. Лучшая во всем Лондоне.

Осмелившись взглянуть на Роберта, Джейни увидела, что его лицо изменилось. Он был похож на голодного волка. Его карие глаза горели в свете фар, маленькие зубки, острые, как бритвы, блестели. Снег теперь падал густо и быстро, застилая окна белым покрывалом.

– Только посмотри, – сказал Роберт, – Ледяной Джек позаботился о нашем уединении.

Глава 1

Тридцать лет спустя

Четверг, 27 декабря 2018 года

Частный детектив Кейт Маршалл смотрела на широкий канал, пробитый в земле дождевой водой во время вчерашней бури. Канал шел полосой мимо пустых неподвижных домов на колесах, усеявших травянистый склон вниз от главной дороги.

– Хорошо, что буря не уничтожила фургоны, – заметил Тристан Харпер, напарник Кейт, и сфотографировал широкую траншею, куда все еще лилась вода с дороги.

– Думаешь? А мне кажется, мы могли бы потребовать по страховке новые, – ответила Кейт.

Тристан присел ближе к краю канала, чтобы сделать еще один снимок на телефон, и почва начала осыпаться. Он отпрыгнул назад как раз в тот момент, когда еще один кусок дерна отлетел и с плеском шлепнулся в канал.

– Слава богу, никто не спятил до такой степени, чтобы остаться тут на Рождество, – сказал Тристан, сбивая грязь с резиновых сапог.

Он сфотографировал серебристый фургон в винтажном стиле, стоявший ближе всех к траншее, рядом с небольшим кирпичным зданием, в котором располагались общественные туалеты и душевые. Эта стоянка, здание, в котором располагался магазин кемпинга, и офисы над ним, где сводило концы с концами их детективное агентство, достались Кейт в наследство от подруги Майры. Последние несколько лет Кейт и Тристан работали в поте лица, чтобы агентство было успешным, а сдача фургонов в аренду приносила им столь необходимый доход. Увы, они чувствовали себя скорее управляющими стоянкой, чем частными детективами.

С моря дул холодный бриз, и у Кейт слезились глаза. Утро было в разгаре, но грозовые облака висели низко в небе, и огни городка Эшдин, в нескольких милях отсюда, едва освещали горизонт. Дом Кейт находился чуть ниже стоянки для кемпинга, на краю скалы, где волны бились о пляж. Терлоу-Бей представлял собой деревушку в шесть домов, четыре из которых принадлежали жителям Лондона, приезжавшим сюда на несколько недель в году, пятый был заброшен несколько лет назад и находился в аварийном состоянии; в шестом жила Кейт.

– Давай выпьем по чашечке чая. Нам нужно отправить эти фото в страховую компанию, и я хочу еще кое о чем с тобой поговорить, – сказала Кейт.

Они побрели вдоль траншеи обратно к дороге, идущей параллельно обрыву, где вода оставляла грязную пленку на асфальте и лилась на пляж.

– Как Оливии понравилось Рождество в Терлоу-Бей? – спросил Тристан. – После пальм Лос-Анджелеса у нее, наверное, культурный шок от нашего южного побережья.

Оливией звали девушку, с которой Джейк, сын Кейт, познакомился в университете в Калифорнии.

– Утром Рождества она вместе со мной выбралась поплавать.

– И как, выдержала?

– Губы у нее посинели. – Кейт фыркнула. – Прости, нехорошо над этим смеяться.

– Похоже, у них с Джейком все серьезно.

– Посмотрим. Сегодня они собрались посетить Хрустальную тропу – так теперь называются гроты в Эшдине. Уж не знаю, как экскурсия по сырым пещерам в декабре скажется на их отношениях.

Тристан рассмеялся. Они поднялись по ступенькам в офис. Кейт включила обогреватель под окнами, выходившими на море, и встала перед ним, чтобы согреть руки. Тристан направился в крошечную кухню с видом на дорогу, открыл жалюзи и поставил чайник.

Их офис представлял собой большую квартиру-студию, где жила Майра, когда управляла стоянкой для кемпинга. Они оставили ее желто-зеленый квадратный ковер из семидесятых и старый обеденный стол с откидной крышкой, который поставили посреди комнаты. В одном углу разместили картотечный шкаф и книжную полку из «ИКЕА», где стояли дела и справочники. Другую половину комнаты отвели под все, что связано с делами кемпинга: на стене висели графики уборки, в еще одном картотечном шкафу лежали шесть аккуратных стопок чистых простыней, полотенец и наволочек, ожидая весны.

Несмотря на беспорядок и иногда возникавшее ощущение, что это не настоящий офис, Кейт это место нравилось. Обогреватель быстро наполнил комнату теплом, а когда Тристан зажег газовую горелку и поставил чайник, стало почти уютно.

На столе лежал конверт с какими-то документами и экземпляром криминального таблоида с громким заголовком «Риал Крайм». Взяв его в руки, Тристан заметил цветную закладку, отмечавшую страницу.

– Что это значит? – спросил он.

– Об этом я и хотела с тобой поговорить. Вчера я получила письмо от креативного агентства, которое хочет нанять нас для расследования нераскрытого дела. Они очень заинтересованы. Прислали его сегодня утром.

– Ага. Понятно почему, – сказал он, открыв отмеченную страницу и увидев заголовок: «ПРОПАВШАЯ ЖЕРТВА – УБИЛ ЛИ ДЖЕЙНИ МАКЛИН КАННИБАЛ ИЗ ДЕВЯТИ ВЯЗОВ?»

– Да, дело нам близкое, – согласилась Кейт.

Отец Джейка, Питер Конуэй, бывший полицейский детектив, отбывал несколько пожизненных сроков за убийство и нанесение увечий пяти молодым женщинам в районе Девяти Вязов на юге Лондона. Кейт, в те годы полицейский детектив, выяснила, что «Каннибал из Девяти Вязов», как его стали называть в прессе, так долго скрывался от полиции, потому что сам же в ней и служил. Вдобавок ко всему, когда Кейт раскрыла это дело, у них с Питером был роман.

Пережив его нападение, Кейт обнаружила, что она на четвертом месяце беременности. После всех этих ужасов она сорвалась и пристрастилась к алкоголю, а дальше в ее жизни наступил уже полнейший безбожный беспорядок. Когда Джейку было шесть, она потеряла над ним опеку, о мальчике пришлось заботиться матери Кейт, а сама она после долгих метаний все же обратилась за помощью в реабилитационный центр, а потом заново собрала из руин свою жизнь – сперва преподавала в университете, теперь вот открыла вместе с Тристаном частное детективное агентство. Вся эта сага была пищей для таблоидов в течение многих лет, и имя Кейт нередко фигурировало в СМИ.

– Джейни Маклин пропала в восемьдесят восьмом, как раз под Рождество, – сказал Тристан, прочитав статью. – В последний раз ее видели двадцать третьего декабря в Кингс-Кросс, когда она садилась в фургон парня по имени Роберт Дрисколл. Дрисколл был осужден за ее убийство в восемьдесят девятом году – он преследовал и других девушек, к тому же в его квартире обнаружили шарф Джейни со следами ее крови. Однако тело Джейни Маклин так и не было найдено... Дрисколл отсидел восемь лет, пока повторный суд не оправдал его ввиду отсутствия доказательств... Довольно редкий случай, вам не кажется? Чтобы судебный процесс по делу об убийстве продолжался при отсутствии тела? – спросил Тристан, оторвавшись от статьи.

– Согласна. Но Великобритания в числе тех стран, что выносят самые успешные обвинительные приговоры по делам об убийствах без тела.

– А при чем тут Питер Конуэй?

Кейт наклонилась и перевернула страницу.

– Томас Блэк – детоубийца, отбывающий пожизненное заключение в той же тюрьме, что и Питер Конуэй. В течение многих лет он переписывался с женщиной по имени Джудит Лири. Она умерла в прошлом году, и их переписка с Блэком была продана с аукциона в рамках распродажи ее имущества. Письма серийных убийц – настоящие сокровища для определенного рода коллекционеров.

– Не сомневаюсь.

– В одном из этих писем Томас Блэк рассказал Джудит Лири, что Питера Конуэя видели в пабе недалеко от места исчезновения Джейни Маклин, и несколько недель до того, как она исчезла, он кадрил там юных девушек, – сказала Кейт.

– И кто вам прислал всю эту информацию? Креативное агентство?

– Да. У меня сложилось впечатление, что они задумали какой-то криминальный проект, книгу или подкаст, основанный на том, что мы сможем обнаружить.

Кейт достала сопроводительное письмо из конверта и передала Тристану. Чайник на плите засвистел, и она пошла заваривать чай.

– Как думаете, они хотят получить доступ к Питеру Конуэю? – спросил Тристан.

– Полагаю, да, – ответила Кейт, возвращаясь с двумя кружками чая. – Джейк сказал мне, что Питер в плохом состоянии. Проблемы со здоровьем.

– Джейк его навещает?

– Нет. Питер звонит ему раз в месяц.

– А что, если вам придется ворошить прошлое? После... после всего, что вы пережили в связи с Питером Конуэем?

– Тристан! Я в завязке уже двенадцать лет. Я хожу на собрания анонимных алкоголиков. Я не цепляюсь за прошлое. И мне действительно интересно это расследование. У нас есть работа по контракту на январь и февраль, но, с учетом всего этого, – Кейт указала на фургон, – деньги бы нам очень пригодились.

Глава 2

На следующее утро Кейт и Тристан ранним поездом выехали со станции «Эксетер Сент-Дейвидс» в Лондон. Поскольку была тихая неделя между Рождеством и Новым годом, вагон был заполнен только наполовину, и им удалось занять места за столиком. После вчерашнего разговора каждый из них провел свое небольшое расследование.

– Вот район Кингс-Кросс, где пропала Джейни Маклин, – сказала Кейт, достав распечатанную карту и положив на столик. – Сейчас его не узнать по сравнению с тем, каким он был в восемьдесят восьмом году. Там были сплошь развалины и заброшенные здания. Теперь он облагорожен донельзя, там полным-полно новых домов и офисов, и люди пьют капучино на шикарных набережных.

– В ночь, когда Джейни пропала, она была с мамой и сестрой в пабе «Кувшин», – сказал Тристан, проведя пальцем по карте. – Это на Сент-Панкрас-роуд, которая проходит за станцией «Кингс-Кросс Сент-Панкрас». Она вышла из паба около шести вечера, чтобы купить маме сигарет в газетном киоске чуть дальше по дороге, но так и не вернулась.

– Я нашла фотографию Роберта Дрисколл. – Кейт протянула ему распечатанную страницу «Фейсбука»¹. – После того как его оправдали, он вернулся жить в ту же квартиру, где вырос, в миле от Кингс-Кросс в микрорайоне Голден Лейн.

Тристан всмотрелся в фотографию крупного мужчины в черной футболке с надписью «Нирвана», который сидел на пластиковом садовом стуле с сигаретой и банкой пива в руке. В чертах его бледного лица было что-то жабье, черные волосы до плеч тронула седина.

– Вид у него какой-то... диковатый. Чем он сейчас занимается?

– Я не знаю. В статье указано, что он работал в газетном киоске на Сент-Панкрас-роуд, куда Джейни пошла за сигаретами. Его профиль на «Фейсбуке» закрыт. В сети не так много информации о том, когда она пропала, – в восемьдесят восьмом году еще не было Интернета, – но я нашла кое-что насчет его апелляции в девяносто седьмом.

Кейт вынула из стопки бумаг распечатанную статью из «Андепендент» с заголовком «РОБЕРТ ДРИСКОЛЛ В ТЮРЬМЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, КОТОРОГО ОН НЕ СОВЕРШИЛ?». Под заголовком была фотография пожилой женщины в халате в цветочек, с растрепанными кудрявыми черными волосами, похожей на жабу и на Роберта. Она с меланхоличным видом стояла на маленьком балконе, где цвели розовые герани, и за ее спиной видны были очертания лондонских зданий.

– Это Барбара Дрисколл, мать Роберта. Она активно боролась за его освобождение, наняла нового адвоката и получила помощь юристов, – сказала Кейт и продемонстрировала еще одну статью, на этот раз из «Дейли Мейл»: «МУЖЧИНА, ОБВИНЯЕМЫЙ В УБИЙСТВЕ ШКОЛЬНИЦЫ ДЖЕЙНИ МАКЛИН, ОСВОБОЖДЕН ПОСЛЕ СЕНСАЦИОННОГО ПЕРЕСМОТРА ДЕЛА».

– Первоначальный судебный процесс по делу об убийстве строился на том факте, что Джейни Маклин за несколько недель до этого оставила свой красный шарф в киоске, где работал Роберт Дрисколл. Он подобрал его и сохранил у себя, а две недели спустя полицейские нашли этот шарф, весь в крови, у него в спальне. Они выяснили, что это кровь Джейни, одними из первых применив ДНК-тест в начале восемьдесят девятого года. Еще в статье указано, что он прежде был судим за насилие и домогательства в отношении молодой женщины, но подробности не приводятся.

¹ Социальная сеть «Фейсбук» принадлежит компании МЕТА, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

– Вот что пугает в судах присяжных, – сказал Тристан. – Его осудили за убийство, хотя тела не было.

– Похоже, на первом суде ему достался никуда не годный адвокат, а обвиняющая сторона вооружилась окровавленным шарфом и фактами его биографии. К тому же, когда его вызвали на первое заседание, он вел себя агрессивно, и это сыграло на руку обвинению. На повторном разбирательстве он казался потерпевшей жертвой.

– А Джейни Маклин так и не нашли, – заключил Тристан, снова глядя на карту района Кингс-Кросс. – Что нам известно о Питере Конуэе в восемьдесят восьмом году?

– Он учился в полицейском колледже Хендон в Северном Лондоне. Я тоже там училась, но несколько лет спустя.

– Сколько длилось ваше обучение?

– Четыре месяца.

– То есть Питер Конуэй был в Лондоне в то же время, когда пропала Джейни Маклин. В восемьдесят восьмом он уже был серийным убийцей?

– Возможно. У него был белый фургон, с помощью которого он похищал своих жертв, за что его судили как Каннибала из Девяти Вязов. Он выбрасывал их тела в парках и на пустырях. Район Кингс-Кросс в восемьдесят восьмом был очень грязным и опасным – по сути, просто огромная пустошь с заброшенными зданиями и складами.

– А что можно сказать о Томасе Блэке? В этих письмах он упоминает о Питере Конуэе, но где он сам был в восемьдесят восьмом году? – спросил Тристан.

– Он жил в Лондоне. Его осудили за похищение детей, некоторые из которых были ровесниками Джейни. Он накачивал их наркотиками, насиловал и убивал.

– Он мог убить Джейни?

– Да. И Томас Блэк был связан с Питером. Последние три года.

Тристан постучал пальцем по карте.

– В районе Кингс-Кросс столько всего построили. Если бы тело Джейни бросили где-нибудь поблизости, его нашли бы, когда копали.

– Может быть, она все еще там, под слоями бетона, – предположила Кейт и вздрогнула.

Глава 3

– Как прошла поездка? Далековато вас занесло, – сказала Фиделис Стаффорд.

Офис креативного агентства «Стаффорд и Кларк» располагался в небольшом таунхаусе недалеко от «Хай-стрит Кенсингтон».

– Скорый поезд едет около двух часов, – ответила Кейт.

Они с Тристаном сидели на маленьком диванчике из «ИКЕА» в тени огромного стола Фиделис, занимавшего большую часть ее тесного кабинета с видом на зеленую аллею и старый почтовый ящик времен Георга V.

– Боже. Я этого не знала. А ты, Мэдди?

Фиделис повернулась к высокой, худой, нервного вида женщине с длинными светлыми волосами, в очках, синем вязаном свитере и легинсах со штрипками. Она присоединилась к их собранию не сразу, и все места оказались заняты, так что ей пришлось сесть на небольшой кожаный пуф. Помощница Фиделис, молодая женщина, которую еще не представили, сидела в задней части кабинета, за крошечным столом, частично скрытым за грудой коробок.

– Да. Клаудия часто ездит на этом поезде. У нее прекрасный загородный дом в Бьюде, – ответила Мэдди.

«Кем бы ни была Клаудия, об этом они не сообщат», – подумала Кейт.

Фиделис выглядела в духе представителей высшего класса былых времен: блестящие черные волосы, уложенные в строгое каре, очки в толстой черной оправе, красивое платье с рукавами-крылышками и большими карманами.

– Ну что ж. Спасибо, что приехали, несмотря на каникулы. Я все еще страдаю от последствий переедания, – призналась Фиделис. – Приятно познакомиться с вами обоими.

– Да. Мы очень ценим, что вы уделили нам время, – добавила Мэдди, улыбнулась, и ее нос забавно сморщился.

– Ваш сын проводит Рождество дома? – спросила Фиделис.

– Мой сын?

– Джейк, верно? – уточнила Фиделис, глядя на Кейт поверх очков. – Он ведь сын и...
ХМ-М...

– Питера Конуэя, – закончила за нее Кейт.

Повисла напряженная тишина.

– Правда ли, что Джейк учится в Америке, в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе? – спросила Мэдди, чуть заметно ерзая на крошечном пуфе, и положила ногу на ногу.

– Я не вполне понимаю, почему вы спрашиваете меня о Джейке.

– Видите ли, мы только что изучили ваши биографии, – ответила Фиделис так небрежно, будто это ровным счетом ничего не значило.

– Изучили биографии? – повторила Кейт.

Фиделис улыбнулась. Кейт подумала, что это первый на ее памяти случай, когда человек, улыбаясь, становится менее симпатичным.

– Да. Мы провели исследование вашей биографии и этого дела. Ничего особенно доско-
нального. К тому же многое о вас уже всем известно, – добавила Фиделис, буравя Кейт прон-
зительным взглядом.

– Джейк только что закончил изучать кино и медиа в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и теперь проходит стажировку в университете Джеффри Блейкмора, – сказала Кейт.

– Какой молодец. Ну а вы, Тристан? – Фиделис смерила его пронзительным взглядом. – Вы ведь начинали как научный сотрудник в университете Эшмора?

– Эшдина, – поправил Тристан, садясь поудобнее и подтягивая к себе ноги.

Фиделис кивнула и улыбнулась.

– Да. Это было десять лет назад.

– И как вы оказались там, где оказались?

Тристан замялся.

– Хм-м... Довольно забавная история. В тот день я должен был проходить собеседование на вакансию уборщика, а Кейт в тот же день проводила собеседование на должность исследователя. Но ей показалось, что... – Тристан помолчал, подбирая слова. – Кейт показалось, что все ее кандидаты – пафосные представители золотой молодежи, лишённые воображения.

– Мне нужен был умный, подкованный человек, готовый учиться, а Тристан именно таким и оказался, – сказала Кейт.

От нее не укрылось, что Тристан старается сгладить акцент. Он посмотрел на нее и благодарно улыбнулся.

– И я надеюсь, что, изучив наши биографии, вы узнали, что теперь мы управляем одним из самых успешных частных детективных агентств на юге Англии.

– Совершенно верно! У вас довольно впечатляющий объем работы, – сказала Фиделис. – Пять расследований убийств, три из которых – расследования давно закрытых дел. И, помимо этого, вы работаете в госсекторе?

– Да. Помимо работы с частными лицами, мы заключили несколько контрактов с местными органами власти и с многонациональными компаниями.

– Что местные органы власти просят вас сделать? – поинтересовалась Фиделис.

– Обычно глубокую проверку биографических данных отдельных лиц. Криминального прошлого, информации о судимостях и запрете на занятие должностей...

– Да, мы сами обращаемся с такими запросами как работодатели.

– Конечно. Иногда работодатель хочет выяснить и более деликатную информацию, – сказала Кейт.

– Еще мы работали с местными органами власти, которым требовалось наблюдение за сотрудником, подозреваемым в воровстве или мошенничестве, – сказал Тристан.

– Боже мой. Все это так впечатляет. Вы оба большие молодцы, – сказала Фиделис.

Она улыбнулась, но ее взгляд оставался серьезным, изучающим. Не ответив на улыбку, Кейт откинулась на спинку дивана. Они приехали в Лондон не для того, чтобы продавать себя и просить дать им работу. Агентство «Стаффорд и Кларк» само их выбрало.

– Давайте поговорим об этом проекте, потенциальном расследовании, – сказала Кейт. – Мы заинтригованы, но детали все еще кажутся несколько неопределенными.

Мэдди посмотрела на Фиделис.

– Ну, мы намеренно сохраняли неопределенность.

– Чем конкретно занимается «Стаффорд и Кларк»? Креативное агентство – это что-то вроде литературного?

– Да. Это была наша основная работа с тех пор, как я основала агентство много лет назад, – сказала Фиделис. – Но издательская индустрия постоянно развивается, как и область онлайн-контента, – аудиокниги и подкасты, в частности тру-крайм... Мэдди, ты хочешь рассказать об этом подробнее?

– Конечно, – ответила Мэдди, все еще пытаясь уместиться на крошечном пуфе. – Мы бы хотели, чтобы вы расследовали исчезновение Джейни Маклин в восемьдесят восьмом году, чтобы выяснить, связано ли это с Питером Конуэем. Или с ней случилось что-то еще. Мы не просим вас участвовать в этом потенциальном творческом проекте. Вы будете играть роль следователей. И когда ваше расследование завершится, у нас будет информация, чтобы двигаться дальше и, возможно, создать что-то вроде книги или тру-крайм подкаста... Мы можем попросить вас сделать звукозаписи, которые могут попасть в подкаст, а могут и не попасть.

– И все это будет зависеть от того, подпишете ли вы соглашения о неразглашении, – добавила Фиделис. – Мы знаем, что вы оба достаточно квалифицированы, чтобы... – Казалось, она подбирала нужные слова.

– Расследовать и представить свои выводы, – закончила за нее Мэдди.

– Да. Но для будущей книги или подкаста лучше подошел бы именитый писатель, исполнитель или ведущий. – Фиделис произнесла слово «подкаст» с презрением, как будто она предпочла бы работать с лауреатами Пулитцеровской премии.

– Мы так и думали, – сказала Кейт, глядя на Тристана.

Он кивнул и спросил:

– Какие у нас сроки?

– Шесть месяцев. Узнайте как можно больше. В дополнение к гонорару вы получите и «бонус Брюси»², – сказала Фиделис, растягивая букву «р». – Если раскроете дело.

– Но если вы его не раскроете, мы, по иронии судьбы, все равно продолжим работу над проектом – нераскрытое преступление будет выглядеть даже более жутким, – заметила Мэдди. – Вы будете работать в Уэст-Кантри, и мы ценим, что вы можете выполнять часть работы удаленно. Но если вам нужно будет остаться в Лондоне, мы предоставим вам небольшую квартирку, где вы всегда сможете разместиться.

– Коробка маленькая, но вполне уютная. Она корпоративная. И находится в Кингс-Кросс, – добавила Фиделис.

Кейт посмотрела на Тристана. Это было очень интересно.

– В вашем письме упоминалось, что вы хотели бы получить доступ к Питеру Конуэю? – спросила Кейт.

Фиделис и Мэдди переглянулись.

– Да. Запись интервью с ним была бы на вес золота, – сказала Мэдди.

– Но мы знаем об ограничениях на отчетность и ограничениях на запись интервью с отбывающим наказание, э-э, заключенным в коммерческих целях. Если бы вы получили к нему доступ, мы могли бы воссоздать интервью на основе письменной расшифровки, – предложила Фиделис.

– Есть возможность лицензировать архивные материалы Питера Конуэя, – сказала Мэдди, заметив выражение лица Кейт, и с надеждой добавила: – У вас есть записи с ним?

– Нет.

– Логично.

Кейт обвела взглядом офис. На стене за спиной Фиделис стояла книжная полка с англоязычными и зарубежными изданиями художественных книг их клиентов.

– Как вы вообще вышли на дело о Джейни Маклин? Я никогда не слышала этого имени, хотя в девяностые работала полицейским в Лондоне. Мне кажется, это не такое уж громкое расследование.

– Партнер Мэдди, Форрест, – автор статей, – сказала Фиделис. Ее тон намекал, что быть автором статей, по ее мнению, все равно что зарабатывать на жизнь уборкой дерьма.

– Тот самый Форрест Паркер, который написал статью в журнале о Джейни Маклин? – спросил Тристан.

– Да, – с застенчивой улыбкой ответила Мэдди. – Форрест дружил с Джудит Лири, которая переписывалась с Томасом Блэком.

– Ну не дружил... она скорее была его знакомой, Мэдди. Да? – с заметным смущением уточнила Фиделис.

² Отсылка к британскому телевизионному шоу 1980-х годов «Играй в карты правильно» (англ. *Play Your Cards Right*) и его ведущему сэру Брюсу Джозефу Форсайту-Джонсону (1928–2017). Именно в его шоу некоторые из победителей получали дополнительный приз, известный как «Бонус Брюси» (англ. *Brucie Bonus*).

– Да. Знакомой, но они знали друг друга довольно долго.

– Как Джудит начала переписываться с Томасом Блэком? – спросил Тристан.

– Форрест познакомился с Джудит, когда они вместе учились в театральной школе. Много лет назад. Одна из актерских работ Джудит включала посещение тюрем и проведение театральных мастер-классов с заключенными, и именно так она познакомилась с Томасом Блэком.

– У вас есть копии писем? – спросила Кейт.

– Да. Форрест сделал копии, прежде чем продал письма от лица Джудит, – сказала Мэдди.

– Форрест работает в «Риал Крайм»? Или он актер? – спросил Тристан.

– Ни то, ни другое. Он писатель-фрилансер, – ответила Мэдди.

Повисло долгое неловкое молчание, и Кейт показалось, что Фиделис им наслаждается.

– Мы очень заинтересованы в работе с вами обоими, – наконец сказала Фиделис. – Моя работа как литературного агента и в творческом секторе заключается в том, чтобы отбирать отличные истории и направлять их... черт возьми, я не знаю, как правильно сказать о подкасте, – вести по радиоволнам?

– Подкасты скачивают, а не транслируют по радио, – заметила Мэдди.

– Я знаю, – резко ответила Фиделис. – Я хочу сказать, что вижу хорошую историю, великолепную историю, которая требует небольшого исследования. Фантастическое место: Кингс-Кросс и старый Лондон, который гудит историей и интригами. Нераскрытое дело о пропаже или убийстве юной Джейни Маклин. Ошибка правосудия, от которой пострадал этот, как его...

– Роберт Дрисколл, – впервые подала голос помощница Фиделис.

– Да, конечно, Роберт Дрисколл. И к тому же Питер Конуэй и Томас Блэк, два самых известных сукиных сына, уж простите за мой французский, из числа серийных убийц. Из этого может выйти блокбастер... – Фиделис улыбнулась и, чуть поубавив энтузиазм, подытожила: – Итак, вот что мы имеем. Что скажете?

– Я согласна. Все это звучит интригующе. Сколько именно вы готовы нам заплатить? – спросила Кейт, ставя вопрос ребром. Она заметила, что Фиделис и Мэдди при упоминании денег несколько напряглись.

– Это нужно обговаривать, – ответила Фиделис.

– Хорошо, – сказала Кейт, – давайте обговорим.

Глава 4

Тристан смотрел на ламинированную карту над сиденьями, пока поезд метро трясся и шатался по пути от Южного Кенсингтона до Кингс-Кросс на линии Пикадилли. В его рюкзаке лежала картонная папка с информацией, которую им передала помощница Фиделис. Он был взволнован перспективами расследования, в особенности возможностью жить в Лондоне. Сделку они заключили на выгодных условиях, и Тристан был рад, что их финансовое будущее обеспечено на ближайшие несколько месяцев.

– Нам нужно увидеть контракт, – в пятый раз сказала Кейт, поймав его взгляд.

– Я понимаю. Но встреча прошла удачно. Они хотят с нами работать.

Кейт кивнула, хотя ей не показалось, что встреча получилась именно *удачной*. Интересной – безусловно, но не было ли все это слишком хорошо, чтобы быть правдой?

Вагон метро был набит битком – по большей части оттого, что люди, радуясь рождественским каникулам, выбрались за покупками, – и пришлось стоять.

– Где вы жили в Лондоне, когда работали в полиции? – спросил Тристан.

– В Дептфорд-Бридж.

Он изучал карту. Как, черт возьми, люди вообще ориентируются в Лондоне? Карта метро представляла собой сетку цветных, извилистых, угловатых линий, расходящихся от узла, похожего на бутылку пива, лежащую на боку. Кейт указала на одну из веток метро, состоящую из двух тонких синих линий.

– Дептфорд находится здесь. Примерно где заканчивается Доклендское легкое метро. Я жила в двадцати минутах от центра, в то время там много чего строилось, да и само Доклендское легкое метро было новой линией.

Тристан вспомнил, что Питер напал на Кейт как раз в ее квартире в Дептфорде. И, насколько ему было известно, это была ее последняя ночь в Лондоне. Выписавшись из больницы, она вернулась жить к родителям, и Джейк родился уже там.

– Да. Именно здесь это и произошло, – сказала Кейт, поняв, о чем думает Тристан.

– Это была ваша собственная квартира?

– Ух, было бы круто. Сейчас она бы стоила целое состояние.

– А жилье, которое предоставит нам агентство...

Поезд остановился на станции «Холборн», и двери со свистом распахнулись. Тристану все это казалось таким ярким, новым и живым. Платформа была заполнена, пассажиры с сумками и колясками хлынули навстречу потоку заходивших в вагон. Голос диктора велел держаться подальше от дверей и края платформы.

– В Кингс-Кросс. Перси-Сёркус. Недалеко от главного вокзала, – сказала Кейт, отходя в сторону, чтобы пропустить двух монахинь.

– Что вы думаете о Фиделис и Мэдди? Мне кажется, они такие... гламурные.

– Соглашусь. И не сказала бы, что в хорошем смысле.

Кейт задумалась, почему это ее задело. Она ощутила, что не дотягивает до них? Что ей указали на ее место?

Тристан с любопытством взглянул на монахинь. У одной была ярко-розовая сумочка на плече, у другой – накрашенные алой помадой губы и большие накладные ресницы.

– Похоже, они едут на карнавал. Ну или из очень прогрессивного ордена, – предположил он.

Кейт рассмеялась.

– С чего ты хочешь начать? – спросила она, глядя на карту.

– Сперва нам нужно осмотреть район в Кингс-Кросс, где пропала Джейни. А потом давайте поищем какое-нибудь место, где можно выпить кофе и почитать переписку Томаса Блэка с Джудит Лири.

Когда они добрались до Кингс-Кросс, на платформе толпились люди в тяжелых пальто с увесистыми сумками, полными покупок, – настоящий хаос.

– Черт возьми, ну и сильно же тут все изменилось, – отметила Кейт, когда они вышли на станции «Кингс-Кросс» и зашагали по мощеной площади.

– Разве это не тот отель, где «Спайс Гёрлз» снимали клип? – спросил Тристан, указывая на огромное великолепное здание из красного кирпича, которое прежде называлось «Отель Мидленд», а теперь – «Сент-Панкрас Ренессанс».

Дворик перед входом был полон людей, коридорный нес целую гору чемоданов. Кейт улыбнулась.

– Да. Когда я работала в лондонской полиции, этот район был ужасен. Площадь вокзала полностью закрывало жуткое грязное здание, которое, похоже, всегда было обнесено лесами. Вдоль дороги шатались пьяницы, проститутки и наркоманы, отель был заколочен досками, а в проемах воняло мочой. В первый год работы меня постоянно вызывали сюда разбираться с проблемами. В основном из-за наркоты.

Тристан огляделся. Рождественские огни, серебряные звезды и золотые снежинки укрывали дорогу навесом, мимо с ревом проносились красные автобусы, один – с открытым верхом; туристы любовались видами и дрожали на ветру.

– Только взгляни на все это. – Кейт повернулась к небоскреbam из стекла и стали. Кран с грузом бетонных блоков медленно качнулся влево. – Это место не узнать с тех пор, как я в последний раз была здесь в девяносто пятом году. Как мы найдем кого-нибудь, кто знает хоть что-то о Джейни?

Мимо отеля Кейт прошла молча. Группа туристов позировала перед красной телефонной будкой, из фургона с едой, припаркованного на краю площади, доносился аромат жареных каштанов и глинтвейна. Они повернули налево, на Панкрас-роуд. Стук поездов за высокими кирпичными стенами остался таким же, как помнила Кейт, и запах тоже: холодный воздух, смешиваясь с запахом дизельного топлива, смрадом обжигал горло. Кейт вспомнились грязные чуланы Панкрас-роуд под кирпичными арками. Эти арки по-прежнему были на месте, но теперь под ними располагались дизайнерские магазины и шикарные рестораны, а большую часть кирпичной кладки отчистили песком, удалив черные пятна от столетнего лондонского смога.

Они остановились у элегантного гастроба с блестящими медными лампами и красными оконными рамами. Извилистая надпись гласила, что здесь подают эль из местной пивоварни и шампанское в бокалах.

– Смотрите-ка. – Тристан указал на вывеску, которая покачивалась на ветру. На ней было написано «Кувшин».

– Черт возьми, он еще тут! Готова поспорить, в восемьдесят восьмом шампанского тут не подавали, – сказала Кейт.

Они продолжили путь. Среди магазинов и ресторанов попадались и современные офисы. Все они были закрыты на праздники, но кое-где горели огни и даже мерцали рождественские елки, под которыми были сложены коробки, имитирующие подарки. Кейт стало не по себе. Всю эту территорию вымыли дочиста, стерли, уничтожили прошлое. Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год мог бы с таким же успехом быть и тысяча восемьсот восемьдесят восьмым. Спустя несколько минут они добрались до небольшого перекрестка с крошечным «Старбаксом» на углу. Тристан достал телефон и снова посмотрел на знакомую вывеску. Внутри было уютно и гостеприимно, у прилавка стояла маленькая рождественская елочка.

– А здесь располагался тот самый газетный киоск.

– И как я сама не догадалась? Конечно же, теперь тут «Старбакс», – вздохнула Кейт. – Давай выпьем кофе. Мне нужны кофеин и время подумать.

Глава 5

Кейт села на высокий стул у окна, а Тристан положил рюкзак и направился к стойке, чтобы заказать кофе. Он нашел и отправил ей фотографию 1990 года, когда здесь еще был газетный киоск: рваный навес в красные и белые полосы, черная надпись «РЕЙНОЛЬДС». В панорамном окне, у которого сейчас сидела Кейт, было что-то вроде доски объявлений о покупке и продаже. На тротуаре перед входом стояли металлические стойки со всеми ежедневными газетами и журналами. А у высокой вращающейся стойки с открытками располагалась рекламная вывеска мороженого «Уоллс».

– Я спросил бариста, здесь ли он живет, – сказал Тристан, возвращаясь к столику с двумя чашками кофе и шоколадными круассанами, – и он посмотрел на меня как на чокнутого. Он каждый день по часу сюда добирается.

Вернувшись в Лондон, Кейт была потрясена тем, какой же она стала провинциалкой. Она сделала глоток кофе, горячего и крепкого. То что нужно.

Тристан вынул из рюкзака тонкую синюю папку, которую им дали Фиделис и Мэдди. На ней осталась перечеркнутая надпись «Лонг-листы Букеровской премии 1990–2000», а под ней шла другая: «МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДЕТЕКТИВНОГО АГЕНТСТВА КЕЙТ МАРШАЛЛ».

Внутри было всего несколько скрепленных листов А4 и крошечная черная флешка. К ним прилагалась сопроводительная записка:

Вот письма Томаса Блэка Джудит Лири, в которых упоминается Джейн Маклин. Все они скопированы на флешку. Пожалуйста, обращайтесь с ними аккуратно. Мэдди х

– Это лондонская традиция – ставить в конце поцелуйчик? – спросил Тристан, глядя на записку и удивленно приподняв бровь.

– Когда я тут жила, такой традиции не было, – сказала Кейт. – Может, издательская. Они принялись за первое письмо.

*Пятница, 29 октября 2010 год
3948562, Тюрьма ее величества Уэйкфилд
Дорогая Джудит,*

Не верь тому, что пишут в СМИ, – в последнее время я двадцать три часа в сутки торчу в своей камере. Правда, мне повезло, и у меня есть возможность читать и писать, а еще смотреть маленький телевизор, но я бы все отдал за настоящую свободу. Пожалуйста, моя милая, цени, что у тебя она есть. У тебя есть финансовая независимость, своя квартира и роскошь свободного времени! В прошлом письме ты написала, что проснулась утром и тебе совершенно нечем было заняться. Ты села на поезд до Лондона и бродила по Ридженс-парку в слезах оттого, что у тебя пока нет ролей. О, чего бы я ни отдал за возможность проснуться, выбраться из клетки и побродить по городу, не будучи ограниченным ни во времени, ни в пространстве!

Не сомневаюсь, что ты читаешь газеты. Питер Конуэй вернулся в тюрьму после того, как его попытка бежать столь плачевно провалилась. Цирк вернулся, пресса и персонал тарачатся на нас, как на мартышек в зоопарке. Его будут держать в одиночной камере несколько недель, так что мне не повезет на него наткнуться. Мне всегда казалось, что в Конуэе есть нечто вульгарное. Полагаю, на воле у него был поклонник, который помог ему бежать и обещал воссоединить с милой старой мамочкой, Энид. Ходят слухи, что эти двое были очень уж близки и что старушка развлекалась с ним в постели еще с тех пор, как он вырос из детских штанишек...

– Не страшно, что вам приходится это читать? – спросил Тристан.

Кейт ощутила, как в груди что-то сжалось, когда она обратила внимание на дату первого письма. Когда Питер Конуэй 27 октября 2010 года сбежал из тюрьмы, его план состоял в том, чтобы похитить Джейка и бежать в Испанию с Энид. Кейт содрогнулась при мысли о том, насколько близко он подобрался к цели.

– Все в порядке. Нам нужно это прочитать.

Тристан кивнул, и они вернулись к письму.

Без сомнения, он истратит все тюремные марки на письма милой старой мамочке, которая, судя по всему, сидит в женской тюрьме Даунвью на юге, пока уголовная прокуратура не решит, что с ней делать. Думаю, ей дадут всего несколько лет.

На свободе наши с Конуэем пути пересекались всего несколько раз. Как-то, еще будучи полицейским, он остановил меня за вождение с неисправным стоп-сигналом. Даже тогда я думал, что для офицера странно выходить в патруль совсем одному в два часа ночи, чтобы заниматься такими мелочами. В униформе он выглядел довольно представительным, но единственная причина, по которой он мне запомнился, заключается в том, что я увидел его примерно через неделю выпивающим в «Кувишине» в Кингс-Кросс. Тогда «Кувишин» был восхитительно грязным. Питер Конуэй провел там один вечер, и я не могу сказать точно, узнал ли он меня, но если узнал, то не подал виду. Мне показалось, что он довольно пристально следит за молодыми женщинами в пабе. Я думал, что это наблюдение по долгу службы, пока он не купил совсем юной девушке, которой на вид было никак не больше четырнадцати или пятнадцати, двойную водку, а следом еще одну, прежде чем пригласить ее составить ему компанию. Это отложилось в моей памяти только потому, что примерно через месяц все газеты сообщили, что в Кингс-Кросс пропала девушка...

Тристан посмотрел на Кейт.

– Погодите. Томас Блэк говорит, что Питер Конуэй остановил его в два часа ночи из-за неисправного стоп-сигнала примерно за пять недель до того, как пропала Джейни. Это значит, что дело было в середине ноября восемьдесят восьмого года.

– Это значит, что Питер выдавал себя за полицейского, – заключила Кейт. – Он окончил Хендон только в начале восемьдесят девятого.

– Там не сказано, приехал ли Питер Конуэй на полицейской машине и в униформе ли он был.

– У сотрудников в штатском есть удостоверение личности, – обеспокоенно сказала Кейт. Они продолжили читать.

Позже я узнал из сплетен – «сплетни» гораздо более приятное слово для истины, с которой я предпочел бы не знакомить тебя, моя милая, – что Питер Конуэй похитил Джейни Маклин. Он познакомился с ней в пабе за несколько недель до того, как она исчезла. Он мог быть в униформе, когда она села в его машину. Не знаю, будет ли у меня шанс обсудить это с Конуэем. Я дам тебе знать. Но возвращаясь к тому, с чего я начал: пожалуйста, постарайся наслаждаться жизнью. Ты выдающаяся актриса. Я чудовище, и многие люди считают, что мои комплименты тебе и гроша не стоят, но я считаю, что они на вес золота.

У меня нет причин лгать тебе, моя дорогая.

Не высовывайся, будь осторожна.

Твой Томас

Тристан отхлебнул кофе, а Кейт достала вторую фотокопию письма. Оно было намного длиннее, но в нем была выделена короткая часть, где говорилось конкретно о Джейни.

В последнем письме от воскресенья 31 октября, которое само по себе было ответом на мое письмо в пятницу 29 октября 2010 года, ты сказала мне, что на тебя слишком давит информация о девушке по имени Джейни Маклин, которая, как я считаю, могла стать одной из первых жертв Питера Конуэя. Просто повторю, Джудит, моя дорогая, тюремщики открывают и читают все мои чертovsky письма. Так что каждое слово, что я тебе писал, известно им и Бог знает кому еще. Не сомневайся, с информацией, которую я тебе сообщил, ничего делать не нужно. Теперь это известно начальству, кем бы оно ни было. У меня не было возможности связаться с Конуэем, и я не знаю, будет ли она у меня в ближайшее время. Его держат в одиночной камере под строгим надзором.

Кейт на миг отвлеклась от чтения. Они пробыли в кофейне всего полчаса, но дорогу снаружи уже затянуло туманом, и начало темнеть.

– А о Томасе Блэке что думаешь? – спросила она.

– Он строит из себя интеллектуала. Классический серийный убийца: красноречивый, но лживый, эгоцентричный и напыщенный.

Кейт кивнула.

– Да, ему нужна шумиха. Он склонен манипулировать людьми. Пишет это письмо и открыто признает, что его прочтут охранники. Интересно было бы взглянуть на его переписку с кем-нибудь другим. Это помогло бы нам лучше понять, какие отношения связывали их с Джудит.

– Самое главное – он говорит, что видел, как Питер Конуэй покупал Джейни выпивку в «Кувшине».

– Это могла быть и другая девушка. Он ведь не сказал, что это Джейни. Это лишь его предположение.

– Да, безусловно. Но можем ли мы доверять тому, что он писал Джудит? Питер Конуэй и Томас Блэк засветились в одном районе Лондона примерно в одно и то же время. Томас Блэк вращался в педофильских кругах. Две девушки, убитые Питером Конуэем, были несовершеннолетними. Возможно, их пути пересекались и в иных случаях.

Кейт обвела взглядом оживленную кофейню. В одном углу болтала группка девушек, в другом компания ждала, когда можно будет забрать заказ у бариста. И те и другие не обращали внимания на Кейт и Тристана, что очень радовало.

– Мы совсем рядом с домом, где жила Джейни. Хотите туда зайти? – предложил Тристан.

Кейт допила кофе, и они вышли из «Старбакса». Вдали загорелась вывеска «Кувшина». Холодный ветерок шевелил волосы у Кейт на затылке, и, несмотря на толпы людей и яркие рождественские огни, этот район внушал ей точно такое же чувство страха и отвращения, что и в годы юности, когда вокруг было уныло и опасно, а она работала в Службе столичной полиции.

Глава 6

– Выглядит... пугающе, – заметил Тристан.

– Это называется брутализм³, – сказала Кейт.

Они стояли напротив «Виктория-Хаус», бетонного жилого дома в десять этажей. От дороги его отделял большой двор, обнесенный низкой, тоже бетонной стеной, похожей на центральную разделительную полосу автомагистрали. Из трещин в плитах выглядывали засохшие сорняки и трава. В общем, классический образец этого самого брутализма.

В нескольких окнах мерцали и вспыхивали рождественские огни, добавляя цвета. Пересекая двор, Кейт и Тристан увидели свисавшего из окна пластмассового Санту на небольшой веревочной лестнице. Интересно, подумала Кейт, в окно он лезет или пытается отсюда сбежать.

– А это что такое? – поинтересовался Тристан, проходя мимо огромной уродливой скульптуры на низком постаменте, опять-таки бетонной. – Похоже на восьмигранную игральную кость или странный кубик Рубика.

Подойдя ближе, они увидели на одной из сторон восьмигранника, повернутой к главному входу, надпись «НА ХЕР КРЕЗИЗ».

– Занятое написание слова «кризис», – отметил Тристан.

Близились сумерки, в воздухе витал легкий туман. Бетонные стены были покрыты водяными разводами и плесенью. Все вокруг выглядело мокрым и жалким.

Главный вход перекрывала завеса из стеклянных панелей. С другой стороны располагалась открытая бетонная лестница. Кейт задалась вопросом, была ли она открыта в пятидесятых, когда строился «Виктория-Хаус», и тогда же или позже установили стеклянные панели в качестве меры безопасности. На пронумерованных кнопках панели домофона были указаны фамилии некоторых жильцов. Всего было пятьдесят квартир, и как раз под пятидесятым располагался аккуратный квадратик с надписью «МАКЛИН».

Кейт думала, что сказать, когда к двери подошел молодой человек, тащивший две сумки с покупками. Он положил карточку на датчик, и дверь распахнулась. Кейт и Тристан прошли вслед за ним, чтонисколько его не заинтересовало.

Лифт, воняющий мочой, со скрипами и стонами доставил их на десятый этаж. Длинный коридор, открытый всем ветрам, тянулся вдоль стройного ряда входных дверей, выкрашенных в довольно кричащий красный. На всех, кроме одного, окнах, расположенных справа от дверей, висели жалюзи или сетчатые занавески.

Кейт и Тристан прошли по коридору. Между дверями висели оранжевые натриевые лампы, заливая бетон и их лица болезненной бледностью. С десятого этажа открывался панорамный вид, и можно было оценить весь масштаб застройки вокруг Кингс-Кросс: сияющие многоэтажные дома, два парка, площадь, освещенную прожекторами, на месте газовых вышек.

– Что мы скажем Дорин, если она здесь? – спросил Тристан. – Пожалуй, все-таки надо было подготовиться.

– Правду. Нас попросили расследовать исчезновение ее дочери. Дальше посмотрим по ее реакции. – Кейт была все еще ошарашена встречей с Лондоном после долгой разлуки.

Они прошли мимо окна, из которого была видна маленькая кухня, где на плите кипели кастрюли, и еще одного, откуда доносились крики. Дойдя до последней двери, Тристан позвонил в звонок, и его звук эхом отозвался в глубине квартиры. Жалюзи на окне были опущены, и внутри было темно. Тристан позвонил снова. Дверь открылась, и из соседней квартиры вышла

³ Брутализм – стиль в архитектуре периода 1950–1970-х годов, зародившийся в Великобритании. Одно из направлений послевоенного модернизма, эстетические свойства которого определяют грубые, тяжелые формы.

пожилая седая женщина в зеленом шерстяном кардигане, плиссированной юбке в клетку, плотных легинсах и довольно потрепанных пушистых тапочках.

Обведя их глазами, она скрестила руки на груди и с надеждой спросила:

– Вы из Беллингема?

– Нет, – ответила Кейт и вновь позвонила в звонок.

Пожилая женщина подошла к бетонной стене, посмотрела вниз, снова перевела взгляд на них.

– Ее нет.

– Кого? Дорис Маклин? – спросил Тристан.

– Да. Вы коллекторы?

Интересно, подумала Кейт, что в их облике такого, что у старушки возникла эта ассоциация.

– Нет. Мы частные детективы.

В квартире кто-то крикнул: «Закрой дверь!»

Кейт достала визитку и протянула старушке.

– Эшдин... это, кажется, в Шотландии? – спросила она, всматриваясь в визитку.

– Нет, – пояснил Тристан, – в другом направлении. На юге.

– Что такого натворила Дорин, что к ней явились аж два детектива?

– Мы расследуем исчезновение ее дочери, – сказала Кейт.

Повисла тишина. Наконец старушка уже другим тоном произнесла:

– Ох, да. Джейни.

– Вы жили здесь, когда Джейни пропала?

– Да. Мы тут живем без малого пятьдесят лет. И Джейни знали, и ее сестру Максин. Все это просто ужасно. Я видела ее утром в тот день, когда она пропала. Бедная девочка так ждала Рождество.

– Вы знаете, когда Дорин вернется домой? – спросила Кейт.

– Нет. Не поверите, но она недавно выиграла в лотерею сто пятьдесят тысяч. За месяц до Рождества. Мы ее не видели с тех пор, как...

Из глубины квартиры вновь раздался крик. Пожилая женщина вздохнула.

– Я подумала, может, вы сиделки моего мужа, Стэна... Они, по-моему, приходят, когда сами захотят. – Она обвела Тристана пристальным взглядом с ног до головы. – Ты, я вижу, крепкий парень. Можешь переложить моего мужа со стула на кровать?

– Э-э, – только и пробормотал Тристан.

– Он не голый, ничего такого. Просто перед самым Рождеством сломал бедро и должен спать внизу, пока оно не заживет. Ах да, я Бетти Коэн. Я могу вам много чего рассказать о Дорин и Джейни.

– Ну ладно, – сказал Тристан и посмотрел на Кейт.

Она кивнула, и они прошли вслед за старушкой в маленькую кухню, а далее – в гостиную с высоким потолком и большим балконом, откуда открывался красивый вид. Всюду стояли книги и горшки с монстерами. В кресле с высокой спинкой сидел пожилой мужчина в коричневых брюках и водолазке. Пышная копна седых волос и огромные очки с толстыми линзами придавали ему добродушный и вместе с тем чудаковатый вид. Рядом стояли односпальная кровать, ходунки и высокая, тощая рождественская елка, большая часть иголок которой осыпалась на ковер.

– Стэн, это Тристан и Кейт, частные детективы. Они пришли помочь уложить тебя в постель, – сказала Бетти.

– Теперь для этого присылают частных детективов? – Стэн ухмыльнулся.

– Нет. Они тут по поводу соседней квартиры... – Бетти наклонила голову.

Огромные глаза Стэна расширились.

– Дорин Ужасной!

– Стэнли. Нет! – отрезала Бетти. – Джейни.

– Ах да. Печальная история, – проговорил Стэнли, качая головой.

– Тристан, помоги Стэну лечь в постель, – велела Кейт и отошла в сторону.

Тристан под руководством Бетти подхватил Стэна под руки, поднял со стула и осторожно положил на односпальную кровать.

– Спасибо, милый мальчик, – проскрипел Стэн. – Я потерял равновесие на перекрестке у отеля «Мидленд», и это было ужасно неловко. Приехали машины скорой помощи, сбежались зеваки, которые решили, что я какой-то старый болван... а я, знаете ли, до сих пор работаю!

– Чем вы занимаетесь? – поинтересовался Тристан.

– Антикварными книгами. Бетти, будь любезна. – Он указал на буфет, заставленный книгами и фарфоровыми статуэтками.

– Почему сиделки не могут вот так вот тебя поднять? – спросила Бетти, открывая старую коробку из-под сигар и доставая визитку. Она протянула ее Стэну, подложила ему под спину две подушки. – На прошлой неделе они прислали совсем слабенькую девчонку. Зачем только они принимают на работу таких принцесс? Ей едва хватало сил, чтобы снять корку с рисового пудинга, не то что поднять моего Стэна. Садись, мой хороший. Уж чашечку чая ты заслужил.

Кейт и Тристан сели на большой диван напротив, а Бетти пошла на кухню, оставив их наедине со Стэном.

– Кто вас нанял, чтобы вы нашли Джейни Маклин? Дорин, которая теперь может себе это позволить? – поинтересовался он, даже не пытаясь скрывать любопытства.

Кейт помялась. Технически их никто не нанимал, и без контракта они не знали уровень конфиденциальности. Стэн поднял бровь.

– Или это Роберт Дрисколл хочет доказать свою невиновность?

Бетти проскользнула в гостиную, внесла большой поднос со всем необходимым для чаепития.

– Что я пропустила?

– Я пытаюсь выведать у них, на кого они работают, но они не хотят мне говорить. Ну же, не молчите!

Глава 7

– Наш клиент – писатель, который работает над книгой о Джейни Маклин и хочет, чтобы мы выяснили подробности ее исчезновения, – сказал Тристан, взглянув на Кейт.

«Молодец, Трис», – подумала она.

– Он не родственник Маклинов, так что это своего рода журналистское расследование, – добавила Кейт, еще больше искажив правду.

– Ясно. Дерзкие журналисты, – сказал Стэн.

Бетти поставила на столик поднос и разлила в великолепные бледно-голубые фарфоровые чашки восхитительно крепкий чай.

– Вы позволите мне делать заметки? – спросил Тристан, доставая блокнот и ручку.

– Конечно, – ответил Стэн. Мысль о том, что кто-то запишет их разговор, заметно его взбудоражила.

– Нашей отправной точкой стала эта статья в «Риал Крайм», – сказал Тристан, доставая журнал из сумки и открывая нужную страницу.

Стэн взял его и стал сквозь гигантские очки внимательно вглядываться в текст.

– Боже мой, – сказал он, вновь подняв на них глаза, – тут говорится, что Джейни могла стать одной из первых жертв Каннибала из Девяти Вязов.

– Каннибала? Какого каннибала? – взвизгнула Бетти.

– Помнишь ту историю много лет назад – это было в Южном Лондоне, верно? Когда полицейский ел мясо похищенных девушек, потом убивал их и выбрасывал тела.

Бетти поднялась, подошла к мужу, тоже принялась за чтение. Кейт заметила, что губы старушки при этом чуть заметно шевелятся.

– Раньше Дорин работала уборщицей в «Кувшине» и много говорила о том, какие мужчины туда ходили. Любители молоденьких девочек, если вы понимаете, о чем я. Наркоторговцы. Всякие скользкие типы. Но не то чтобы уж прямо серийные убийцы, – заметила она, постукивая пальцем по журналу.

– В ту ночь, когда Джейни пропала, Дорин была в «Кувшине» с дочерьми? – спросила Кейт.

– Да. Девочки обычно приходили к ней после школы в пятницу. После работы она любила пропустить несколько баночек пива. В тот вечер она отправила Джейни купить ей сигарет. Думаю, она вряд ли себя за это простила.

– Почему Дорин разрешала девочкам приходить в «Кувшин»?

Бетти покачала головой.

– Не знаю. Тогда время было другое и, наверное, никто не думал, что с ним может случиться какая-то неприятность.

– Вы с Дорин друзья?

Стэн посмотрел на Бетти, приподняв бровь. Она вновь села в кресло.

– Скажем так, мы относимся друг к другу с должным уважением. Мы были соседями долгое время. Этот дом построили после войны, весь район вокруг Кингс-Кросс разбомбили. Моей маме выдали муниципальную квартиру, потом мы ее выкупили. В том же году и Дорин с мамой переехали в свою квартиру. Она до сих пор муниципальная.

– Чем занимается другая дочь Дорин, Максин? – спросила Кейт.

– Ей удалось сбежать, – сказала Бетти. – Когда Джейни пропала, Максин было двенадцать. Такого и врагу не пожелаешь – смотреть, как Дорин спивается. Девчонку чуть не отобрали соцслужбы. Дорин могла уйти из дома на несколько дней. Мы приглядывали за Максин. Бедняжка приходила сюда и спала на нашем диване.

– Максин когда-нибудь рассказывала о том, что случилось в ночь, когда Джейни пропала?

– Нет. И мы не хотели приставать с расспросами к бедной девочке.

– У нее и без того проблем хватало, ни к чему было копаться в прошлом, – печально добавил Стэн. – Она закончила школу, получила эти свои сертификаты – как они там называются, – летом уехала в Америку, устроилась на работу в детский лагерь, познакомилась там с парнишкой, влюбилась. Его зовут Трой. Они поженились, и вот уже двадцать три года она живет в Штатах. Каждый год на Рождество присылает нам открытки.

Бетти поднялась, сняла открытку с книжной полки, показала Кейт и Тристану. Типичное праздничное фото – вся семья в одинаковых шапках Санты и свитерах с оленями собралась вокруг елки. Наверху надпись блестящими буквами:

«СЕМЬЯ ДОУСОН ЖЕЛАЕТ ВАМ СЧАСТЛИВЫХ ПРАЗДНИКОВ!»

– Теперь ее зовут Максин Доусон.

– У них пятеро детей? – удивился Тристан.

Муж Максин оказался крупным мужчиной, она сама – очень худой, их пятеро детей, четыре парня и девушка, все где-то лет двадцати с небольшим – высокими и спортивными. Кейт внимательно вгляделась в лицо улыбающейся матери семейства. Ее каштановые волосы были подстрижены в короткий боб, и у нее были такие же глаза, овал лица и чуть заостренный подбородок, как у Джейни. Открытка пришла из Сан-Луис-Обиспо в Калифорнии.

– Вы не против, если я сфотографирую ее на телефон? – спросила Кейт.

– Да на здоровье, – ответила Бетти. – У меня сколько угодно их фотографий, они каждый год их шлют.

Стэн пристально посмотрел на них.

– Как долго вы ведете свое расследование?

– Мы только начали, – сказала Кейт.

– Большинство здешних жителей думают, что во всем виноват Роберт Дрисколл, но тело так и не нашли. Само собой, ходят... слухи. Строятся теории о том, что произошло.

– Например? – спросила Кейт.

– Одним из последних, кто видел Джейни живой, помимо Роберта Дрисколла, был Джек Рейнольдс. Он владел газетным киоском «Рейнольдс» на Панкрас-роуд.

– Там, где теперь «Старбакс»?

– Да. Дрисколл работал у Джека разносчиком газет и в тот вечер, когда Джейни пришла за сигаретами для Дорин, как раз был там. Многие думают, что Дрисколл на своем фургоне увез Джейни к каналу и убил или сделал кое-что еще, прежде чем убить.

– Вы знаете, что полиция нашла в квартире Роберта Дрисколла красный шарф Джейни? На нем была ее кровь, – добавила Бетти.

– Ну конечно, они это знают, – с раздражением оттого, что его перебили, сказал Стэн. – Это было в статье. А вот чего там не было, так это того, что Роберт, после того как убил Джейни, по-видимому, спрятал ее тело в канализации во дворе за газетным киоском «Рейнольдс».

– Откуда вы это знаете? – спросил Тристан.

– От полицейских! Несколько дней спустя они с собаками-ищейками осмотрели всю территорию и по запаху поняли, что тело Джейни бросили туда, а через несколько дней перенесли.

– Как скоро после исчезновения Джейни полиция начала обыскивать «Рейнольдс»? – спросила Кейт.

– Точно сказать не могу...

– Через несколько дней, – ответила Бетти. – Мы здесь только об этом и говорили. У нас есть свой клуб, и каких только слухов там не ходило.

– Полиция арестовала кого-нибудь еще?

Стэн поставил пустую чашку на стол и наклонился вперед. Его глаза блестели в предвкушении возможности поделиться сплетнями.

– Я знаю, что они говорили с Джеком Рейнольдсом и двумя приятелями Роберта Дрисколла, Роландом Хакером и... как второго звали?

– Фред Паркер, – подсказала Бетти.

Стэн кивнул.

– Оба парня в ту ночь были где-то еще, у них имелось алиби, так что Роберт Дрисколл все это провернул один. Ходят слухи, что ему удалось найти место получше, где спрятать тело, и он его туда перетащил в ночь перед тем, как полиция привела собак.

– И куда же он его перетащил? – спросила Кейт. В том, как Стэн рассказывал эту историю, было что-то театральное, и он вновь и вновь повторял слова о том, что ходят слухи.

Стэн откинулся назад и приподнял бровь.

– Если бы мы знали, мы бы ее нашли! Одна из теорий: Дрисколл засунул его под бетонные плиты огромных подземных гаражей в Голден Лейн, где живет. Их как раз в то время ремонтировали. Другая заключается в том, что он зарыл тело на пустыре у канала Ридженс или возле какого-нибудь пустого склада, которые в восьмидесятые были тут повсюду.

– Но я так не думаю, – покачала головой Бетти. – Полиция там копала и ничего не нашла.

– Но он мог зарыть ее глубже, – заметил Стэн, многозначительно двигая указательным пальцем.

Тристан нахмурился, потер глаза.

– Полиция допрашивала Джека Рейнольдса? – спросил он.

– Да, но у него было алиби. Он закрыл газетный киоск вскоре после того, как Джейни купила сигареты, и десять минут спустя уже был в клубе внизу, заказывал себе пинту. Просидел там до закрытия, выпивал со своими друзьями. Дрисколла арестовали, потому что у него нашли шарф и потому что у него была судимость за насилие по отношению к другой женщине. Ему предъявили обвинение, он предстал перед судом и был признан виновным, – сказал Стэнли.

– Что произошло после того, как Роберт Дрисколл был освобожден в девяносто седьмом году?

– Ничего. Насколько нам известно, полиция так и не возобновила дело. Тот, кто виноват в пропаже Джейни, до сих пор на свободе.

Глава 8

Бетти предложила им еще чаю, но Кейт посмотрела на часы, увидела, что уже почти пять, и заторопилась.

После такого насыщенного дня дорога домой стала настоящим кошмаром. По пути обратно на «Кингс-Кросс Сент-Панкрас» они свернули не туда и оказались на оживленной площади, где было полным-полно баров и ресторанов. Когда они наконец добрались до метро, выяснилось, что оно битком набито людьми, выжимающими из себя последние капли праздничного настроения. Им едва удалось успеть на «Паддингтон» и сесть в последний скорый поезд обратно на «Эксетер Сент-Дейвидс». Кейт хотела поговорить с Тристаном, но душный вагон был переполнен, и места они не забронировали, так что большую часть пути пришлось стоять довольно далеко друг от друга.

Около девяти Тристан высадил Кейт у дома, и они договорились встретиться следующим утром. Когда он уехал, Кейт какое-то время постояла, вдыхая холодный свежий воздух. На небе ярко светили звезды, тишину нарушал лишь рев волн, которые бились о берег вдалеке. Хорошо, что было темно и проходившая через весь лагерь траншея, с которой еще предстояло разбираться, была не видна.

Дверь в гараж была открыта, и Кейт увидела Джейка с Оливией, укладывавших в корзину дрова из поленницы. Нос Оливии покраснел от холода, волосы Джейка пропитались солью.

– Привет, мам. Мы как раз собрались идти на пляж, разводить костер.

– Я не прочь после такой поездки подышать свежим воздухом.

– Как Лондон? – спросила Оливия.

– Неплохо. День выдался интересный. Джейк, мы можем поговорить?

– Конечно.

Он бросил в корзину небольшое поленце. Оливия посмотрела на Джейка.

– Если честно, я немного замерзла. Думаю, я пропущу разжигание костра и приму горячую ванну.

Кейт понравилось, что девушка сына так легко считала атмосферу.

– Чистые полотенца – в сушильном шкафу на лестничной площадке, – сказала она.

– Хорошо. Я не буду выключать телефон. Звони, если что. – Оливия встала на цыпочки, поцеловала Джейка. – Я приготовила пасту, Кейт. Мы вам оставили немного.

– Спасибо, милая, – сказала Кейт.

– По-моему, ты ее пугаешь, – сказал Джейк, когда Оливия ушла.

– Она так сказала?

– Нет, но я это чувствую.

Кейт нравилась Оливия, но она была рада, что девушка ее побаивается. Будущей свекрови нужно чувствовать свою власть, особенно когда речь о ее единственном сыне.

Положив в корзину бутылку жидкости для розжига и пару старых газет, они взяли ее за ручки и вынесли из гаража, потащили вдоль дома и вниз по песчаному склону к пляжу. По другую сторону дюн находилось бетонное кольцо, которое пару лет назад вынесло на берег штормом. Кейт оттащила его на пляж, и теперь они разводили там костры.

Они работали молча – убирали песок, старый пепел, недогоревшую древесину. К тому времени, как сияние пламени озарило пляж и дюны, оба покраснели и вспотели. Костер хорошо разгорался, и сидеть рядом стало слишком жарко. Джейк принес с дюн два проржавевших шезлонга. Кейт сняла перчатки, откинулась назад, поднесла ближе к огню голые руки.

– Мне кажется, я знаю, о чем ты хочешь со мной поговорить, – сказал Джейк.

– Да. Что ты думаешь о нашем подходе к расследованию? В этом деле может быть замешан Питер Конуэй.

- Что я думаю? Это ведь работа *твоего* агентства.
- Это не только работа, Джейк. Это связано с Питером Конуэем.
- Они хотят, чтобы ты поговорила с Питером?
- Кейт была рада, что Джейк не назвал его *папой*.
- Да. Правда, не знаю, станет ли он со мной разговаривать.
- Джейк водил ногой по песку, о чем-то всерьез задумавшись.
- Мам... я могу задать тебе один вопрос?
- Конечно.
- Ты его любила? Питера?

Кейт вздохнула.

– Я знала главного инспектора Питера Конуэя как совсем другого человека. Моего начальника. Коллегу. Серьезного, иногда слишком серьезного, полицейского, интересного и красивого мужчину. Для тебя важно, чтобы я его любила?

– Нет. Я этого и не ждал. Семья Оливии считает, я не должен стыдиться того, что я сын серийного убийцы.

- Как мило с их стороны.
- Они не это имели в виду.
- А тебе за это стыдно? – спросила Кейт, взволнованная его словами.
- Не тогда, когда я там, в Калифорнии.

«Ауч», – подумала Кейт, но не стала его перебивать.

– Оливии кажется, что это, наоборот, очень интересно. Что у меня необычный жизненный опыт. И вся ее семья тоже так думает.

– А если вы двое когда-нибудь поженитесь? Они позовут его на свадьбу?

– Очень смешно. И у нас все не настолько серьезно. Мы просто развлекаемся. Ну ладно, не просто развлекаемся. Просто хорошо проводим вместе время. Она тебе что-то говорила?

Кейт рассмеялась.

– Нет. Не волнуйся.

Джейк улыбнулся.

– Мне она нравится, и мне нравится жить в Лос-Анджелесе. Американский позитив и отношение к тому, что ты можешь быть кем угодно и делать со своей жизнью что угодно, просто невероятны. Я всего лишь стажер в этом огромном агентстве талантов, где есть негласное соглашение, что, если я буду достаточно усердно работать, учиться, вкладывать время, я однажды смогу стать писателем или кинопродюсером. Представляешь, если бы я попытался сделать это здесь, в Великобритании? Мне бы сразу задали вопрос: в какой школе ты учился? И если я учился не в той школе, я попал бы не в тот клуб. Я до конца своих дней был бы «писателем с севера» или «писателем из рабочего класса», неважно, что значит эта херня... прости, эта фигня.

Кейт очень расстроили его слова.

- Ты сейчас что-нибудь пишешь? – спросила она, меняя тему.
- Да. Но не волнуйся, это не какой-нибудь сопливый роман «Дорогой папочка».
- Знаешь, однажды тебя кто-нибудь попросит написать и его.
- Ну, я не настолько отчаянный. Нет. Я пишу научную фантастику.
- Мне можно будет почитать?
- Когда будет готово. Наверное.

Огонь потрескивал, Джейк поднялся, подбросил еще полено, и какое-то время они молча смотрели, как искры летят в темное небо.

– Когда ты в последний раз говорил с Питером? – спросила Кейт.

– В начале декабря. Я звоню ему раз в месяц. У нас всего тридцать минут, чтобы пообщаться. Он плоховат – у него серьезные проблемы с зубами.

– Как иронично.

– Я тебе говорил, что в январе прошлого года его сильно избил другой заключенный?

Кейт кивнула, глядя в огонь. Питера Конуэя госпитализировали с переломом глазницы, щеки и челюсти, и ему пришлось удалить шесть зубов.

– А на Пасху умерла его мать. Моя, как я понимаю, бабушка.

– Эту женщину можно много как назвать, но только не бабушкой, – сказала Кейт.

– Согласен. Прости. Зря я сказал это слово на букву «б».

Кейт почувствовала вспышку гнева оттого, что он поднял тему Энид Конуэй. Если бывают свекрови, каких врагу не пожелаешь, то она была одной из них.

– Он говорит, ты прислала цветы.

– Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не написать на открытке «ура».

Джейк рассмеялся.

– Когда я говорю с ним по телефону, это странно нормально. Я не думаю о том, что он сделал. Он просто, типа, милый...

– ...старичок? – закончила Кейт.

– Прости.

– Перестань просить прощения. *Не смей* просить прощения, – велела Кейт, сжав его ладонь в своей. – Не существует никакого правильного способа справиться с тем, что он – твой отец. Вот почему я и спросила, нормально ли, если я продолжу это расследование. Факты ужасных преступлений, которые совершил Питер, скорее всего, снова выплывут на поверхность.

– Ты говорила об этом с бабушкой – ну, в смысле, твоей мамой? – спросил Джейк.

Мать Кейт приезжала погостить на Рождество, а затем вернулась в Уитстабл, чтобы провести День подарков с братом Кейт и его семьей.

– Пока нет.

– А надо бы. Она заслуживает того, чтобы узнать об этом и высказать свое мнение.

– Да, свое мнение она высказывать любит. – Кейт вздохнула.

Джейк в шутку погрозил ей пальцем.

– Не дерзи, Кэтрин, – сказал он, с удивительной точностью копируя голос и интонацию матери Кейт.

Огонь горел жарко и быстро. Джейк встал, подбросил еще полено, придвинул свой шезлонг поближе к шезлонгу Кейт.

– Ты должна взяться за это расследование, мам. Если он виноват в смерти еще одной девушки, кто, кроме тебя, это выяснит? Ты потрясающий частный детектив.

– Спасибо, милый.

Он наклонился к Кейт, погладил ее по голове.

– Люблю тебя, мам.

– И я тебя.

Глава 9

Кейт долго спала и проснулась ближе к полудню. Джейк прислал ей сообщение, что они с Оливией ушли в кино. День был яркий, ясный, и, вдоволь напившись воды, Кейт надела гидрокостюм, прихватила очки и вышла из дома через кухонную дверь, ведущую на небольшую террасу и песчаную тропинку к пляжу.

Остатки костра, который они разожгли с Джейком, теперь были засыпаны песком, а пляж после отлива – усеян пластиковым мусором, водорослями и гладкими белыми скелетами головоногих моллюсков. В детстве Джейк всегда радовался, когда их находил, потому что они казались ему похожими на маленькие доски для серфинга. Расстелив полотенце в нескольких метрах от того места, где волны бились о берег, Кейт спустилась к воде. Летом она плавала в купальнике, а зимой ее согревал гидрокостюм. Но все же ей пришлось пережить отвратительный момент, когда в костюм проникала холодная вода. Шестидюймовый шрам на животе, сувенир, оставленный Питером Конуэем в ту ночь, когда он на нее напал, всегда особенно остро реагировал на это неприятное ощущение.

В это время года море выбрасывало на берег больше песка, и шельф под ногами был круче. Глубоко вздохнув, Кейт надела очки и нырнула под большую волну. Ощущение полного погружения в холодную воду всегда пробуждало ее и давало почувствовать себя живой. Кейт решительно поплыла туда, где волны уже не бились, а плавно двигались. Хотя она хорошо выпалась, она все же чувствовала усталость, когда плыла на спине, глядя в сланцево-серое небо. Над головой пролетела стая бакланов, их черные крылья и изящные длинные шеи резко выделялись на фоне неба. Кейт перевернулась на живот и нырнула. Летом, в ясный день, когда светило солнце, были видны черные камни на морском дне. Но сегодня вода была мрачной, полной ила, взбитого бурным морем. На мгновение Кейт замерла в темноте, слушая странные щелчки и удары из глубины.

Ей вспомнились слова Мэдди на вчерашней встрече. Запись интервью с Питером Конуэем, сказала она, была бы на вес золота.

На вес золота.

Эти люди никогда не испытывали ужаса настоящей близости к садисту, к маньяку, к серийному убийце и возможность общения с такими чудовищами воспринимали как трофей. Станет ли Питер говорить с ней? Или с Тристаном? Единственным, кто мог относительно легко с ним связаться, был Джейк. Но готова ли она была втягивать в это Джейка?

Она оглянулась на скалу. Ее дом, такой прекрасно одинокий, стоял на самом краю. Это был рай – жить так близко к природе, каждый день любоваться морем, быть самой себе хозяйкой. Лондон шокировал ее суетой и шумом. Ощущением, что нужно постоянно где-то быть, что-то делать, пока не закончится песок в песочных часах. А здесь песка было так много – целый пляж.

Пальцы начали неметь, и она поплыла к берегу, еще немного покаталась на волнах и, дрожа, побрела обратно к дому.

После горячего душа и тоста с маслом Кейт сняла с полки книгу, не выходившую у нее из головы, – «Не мой сын». Откровенную автобиографию, которую мать Питера, Энид, написала в 2000 году и за которую получила много денег.

На обложке были две фотографии, разделенные стеклом. Справа – шестнадцатилетняя Энид Конуэй в длинном струящемся платье стоит у главного входа в приют для матерей-одиночек и держит на руках младенца Питера, завернутого в большое одеяло. Взгляд его широко распахнутых глаз направлен прямо в камеру, Энид с обожанием смотрит на сына сверху вниз, за окном видна фигура монахини с каменным лицом.

Слева – фото Питера в полиции, сделанное в тот день, когда он давал показания на предварительном суде. Дикие глаза, расширенные зрачки. Тогда он еще не принимал наркотический коктейль, помогавший справиться с шизофренией и диссоциативным расстройством идентичности.

Кейт открыла книгу. На титульном листе было посвящение от Энид; чернила немного выцвели.

ГОРИ В АДУ, СУКА
ЭНИД КОНУЭЙ

Кейт никогда не понимала, почему Энид решила подписаться.

Она полистала указатель. В 1988 и 1989 годах Питер упоминался только два раза. В 1988-м он был принят в полицейский колледж Хендона, в 1989-м успешно завершил обучение и стал офицером полиции.

Она закрыла книгу. Питер потратил так много времени, пытаясь скрыть, что он коп. Во время первоначального расследования дела о Каннибале из Девяти Вязов он как следует постарался надежно спрятать все связи между его работой и убийствами, которые он совершил. Зачем ему в 1988 году понадобилось рисковать всем, притворяясь офицером полиции, чтобы заманить жертв? Томас Блэк писал, что Питер остановил его из-за неисправного стоп-сигнала, но что, если это была ложь?

А что насчет этого Томаса Блэка – что *он* делал, когда исчезла Джейни Маклин?

Глава 10

В это же время на другом конце города проснулся Тристан. Он встал поздно, так что ему пришлось поторопиться с обедом для своей сестры Сары, ее мужа Гэри и годовалого племянника Лео. Он пожарил курицу, они поели, и Сара отправила мужа гулять с Лео в слинге. Недобрый знак. Значит, она о чем-то хотела поговорить с Тристаном.

– Почему ты мне не сказал, что пропустил платеж по ипотеке? – не тратя время на любезности, спросила она, ополаскивая тарелки и расставляя их в посудомоечной машине.

– Вот почему я хочу открыть счет в другом банке. Разве шпионить за счетами клиентов не противозаконно? – спросил Тристан.

– Только не для кредитных аналитиков. Это часть моей работы.

– Почему ты не могла просто написать мне сообщение? Или попросить какую-нибудь из горгон твоего кол-центра мне позвонить? – поинтересовался Тристан, соскребая с новой жаровни подгоревшую картошку.

Сара глубоко вздохнула.

– Почему ты пропустил платеж? Все в порядке?

– Да все отлично, – сказал Тристан. Он почти не соврал. В преддверии Рождества с деньгами всегда бывало туговато. – Просто несчастный случай, проблема со сроками платежей, поступающих от агентства. Их задержали всего на день. – Его руки начали дрожать, и он сам не понял, злится или боится. Разговоры с Сарой о деньгах всегда действовали ему на нервы.

– Этот просроченный платеж влияет на твой кредитный рейтинг... Очень хорошая жаровня. Le Creuset?

Теперь настала очередь Тристана сделать глубокий вдох. Он поставил кастрюлю на столешницу.

– Не знаю. Это был рождественский подарок от Эйда.

– Где сейчас Эйд?

– Уехал на праздники в Австралию.

Сара оторвала кусок фольги и обернула им остатки жареной курицы.

– А, ну тогда он и Le Creuset может себе позволить.

– Они очень долговечны, Сара. У Эйда есть огромная голландская духовка этой же фирмы, которая досталась ему от мамы и спустя тридцать лет все еще великолепна!

– Ну, может, он разрешит тебе пожить в этой великолепной духовке, когда твою квартиру конфискуют за долги.

Тристан снова глубоко вздохнул. Сара всегда, казалось, жила в состоянии повышенной готовности, думала о худшем и ожидала, когда это произойдет.

– Все у меня будет в порядке. Мы как раз начинаем работу над новым делом. В Лондоне.

– В Лондоне? – повторила Сара таким тоном, как будто он сказал «в Тимбукту». – Как ты собираешься работать в Лондоне, если живешь здесь?

– Клиент предоставляет нам квартиру в Кингс-Кросс.

– Кто этот клиент?

– Креативное агентство.

– Seriously?

– Да. Это как литературное агентство.

– Как литературное, но креативное. А литературные что, недостаточно креативны?

– Они занимаются не только книгами. Еще стримингами и подкастами.

– Мне кажется, это довольно странно.

– Нет тут ничего странного, – ответил Тристан, стараясь не выдать раздражения. – Можешь сама приехать и посмотреть.

– Я? В Лондон?

– Да. Я могу встретиться с тобой на «Кингс-Кросс», отвезти тебя на платформу девять и три четверти и столкнуть с нее⁴.

– Почему ты все переводишь в шутки?

– Это серьезное агентство. Оно заключило несколько выгодных государственных контрактов... – Тристан заметил, что Сара хочет что-то возразить. – Дай мне договорить! И они платят ежеквартально. Поэтому в ноябре и было небольшое затишье.

– Трис, я могу дать тебе овердрафт⁵.

– Мне не нужен овердрафт.

– Я так и думала. Тогда слушай. Мой коллега ищет жилье в Эшдине. Я сказала ему, что у тебя есть свободная комната.

– Мне не нужен новый жилец. Хватит с меня Гленна.

Гленн, очень угрюмый парень, в течение года снимал у Тристана комнату, наводил на него тоску своим вечно хмурым видом, а еще повсюду оставлял свои волосы. Тристан поклялся себе ни с кем больше не делить квартиру.

– Адам нормальный. Из очень обеспеченной семьи. И совсем не волосатый. Во всяком случае, в тех местах, которые я видела.

Несмотря на их напряженный спор, Тристан рассмеялся.

– Зачем обеспеченному и совсем не волосатому парню снимать комнату в моей квартире на набережной Эшдина?

Он отошел в сторону, чтобы позволить Саре ополоснуть в раковине ножи и вилки.

– Он переживает тяжелый развод. Ждет, когда продадут их дом, чтобы разделить активы. Он готов заплатить намного больше, чем Гленн. И было бы идеально, если бы ты следующие несколько месяцев провел в Лондоне.

– Я не знаю, как долго мы будем в Лондоне и будем ли вообще. Мы все еще ждем контракт. – Еще не успев договорить, Тристан пожалел, что сказал об этом вслух.

– А, так у тебя еще ничего и не определено? Тогда тебе стоит всерьез об этом задуматься. – Сара вытерла руки полотенцем, покопалась в сумочке, стоявшей на краю кухонной стойки. – Я обещала маме, что буду заботиться о тебе, как старшая сестра. – Она подошла к холодильнику, сунула визитку под магнит в виде черепахи, державший меню местного индийского ресторанчика. – Позвони Адаму. Заработаешь несколько тысяч, ничего не делая.

– Я подумаю.

– Ладно. Какие планы на Новый год?

– Схожу, наверное, в «Кабанью голову». А у тебя?

– У меня годовалый ребенок и работа на полставки. Я просто лягу спать в девять тридцать.

* * *

Когда Сара и Гэри вновь отправились на прогулку и унесли с собой Лео, дремавшего у отца на плече, Тристан ушел в комнату, служившую ему рабочим кабинетом. Обвел взглядом стол, ноутбук, мягкое кресло и низкий книжный шкаф, наполовину заполненный книгами о преступлениях и справочниками по криминалистике – его бесценной, постоянно пополняемой коллекцией. Окно выходило на пляж и набережную – спать он предпочитал в другой комнате,

⁴ Отсылка к саге Джоан Роулинг о Гарри Поттере. Именно с этой «несуществующей» платформы юные волшебники отправлялись в Хогвартс.

⁵ Овердрафт – краткосрочный заем, который позволяет быстро получить недостающую сумму без предварительного соглашения с банком.

поттише. В их агентстве в Терлоу-Бей у него был свой кабинет, но ему нравилось работать из дома.

Он сел за стол, зашел в рабочий чат. Кейт только что загрузила все письма Томаса Блэка и создала файл для дела. Прикрепила электронное письмо с контрактом от Фиделис из агентства.

Он начал было печатать заметки, которые сделал в квартире Стэна и Бетти, но почему-то остановился и задумался. Чуть позже позвонила Кейт.

– Ты видел контракт? – спросила она.

– Да. По-моему, все в порядке. Но только я вспомнил кое-что странное. Стэн сказал, что у Роберта Дрисколла было два приятеля, Роланд Хакер и Фред Паркер. О Хакере я не нашел в Интернете ничего, но Фред Паркер – настоящее имя Форреста Паркера. Он сменил его, когда стал актером.

– Форрест Паркер – бойфренд Мэдди? Парень, который написал статью в «Риал Крайм»?

– Да, это он. Актер, работает в Ассоциации Чаркхэма Мюррея – довольно крутой проект, раскрутивший несколько известных актеров. Но Паркер в последнее время снимался не так много. Зато учился в Кембриджском университете, что тоже неплохо, а потом поступил в Королевскую академию драматического искусства. В налоговом реестре муниципалитета за прошлый год указано, что он зарегистрирован по тому же адресу, что и Мэдди, и это логично, если он ее бойфренд.

Тристан открыл фото Форреста – лысеющего мужчины с очень высоким лбом и красивыми, тонкими чертами лица. В юности он, вероятно, был сексапильным, но сейчас, когда начал разменивать пятый десяток, напряженный взгляд, надменно поджатые губы и наклон головы создавали о нем первое впечатление как о манерном, язвительном человеке.

– Как ты все это выяснил? – спросила Кейт.

– У него есть страница в «Википедии». Там указано, что он вырос в микрорайоне Голден Лейн и при рождении его звали Фредом. Вполне возможно, он сам написал эту статью, потому что любит преувеличивать. Упоминается, что дом, где прошло его детство, относится к памятникам архитектуры первой категории. И он того же возраста, что и Роберт Дрисколл.

– Поэтому он и написал статью для «Риал Крайм»? Потому что в курсе дела?

– Возможно. Но по какой причине Фиделис и Мэдди нам ничего не сказали?

– Это дело только что стало еще интереснее, – отметила Кейт.

Глава 11

Новый год пришел и ушел, и 2018-й без особых потрясений сменился 2019-м. Второго января Джейк и Оливия улетели обратно в Лос-Анджелес, а на следующий день Кейт и Тристан отправились в Лондон.

Они договорились встретиться с Мэдди возле дома в Перси-Сёркус. Кейт удивилась, насколько близко к центру он расположен, – всего в нескольких сотнях метров от станции «Кингс-Кросс». Район Перси-Сёркус представлял собой круг элегантных белых георгианских таунхаусов, окружавших сад за черным забором. Летом этот сад, несомненно, был красивым и пышным, но сейчас из-за огромных голых деревьев казался мрачным. Хотя район и находился почти в центре, в этот сонный январский полдень было тихо. Светило солнце, но воздух был свежим и холодным, и, несмотря на довольно позднее время, на окнах автомобилей, припаркованных на улице, лежал слой инея.

Мэдди ждала их у черных перил возле дома номер 34. Ее наряд был несколько странным: розовые угги, разноцветное, длинное, мешковатое пальто, большая мягкая сумка из того же материала, розовый берет, надетый слегка небрежно. Ее длинные золотистые волосы были заплетены в косички, а нос порозовел от холода.

– Привет! Как я рада вас видеть!

Она широко раскинула руки для объятий. Это тоже показалось Кейт несколько странным и неуместным. Вряд ли Фиделис была бы столь сентиментальна.

– Счастливого Нового года!

Кейт и Тристан пожелали ей счастливого Нового года в ответ.

– Теперь это ваш дом! – воскликнула Мэдди.

– Все здание? – удивился Тристан, подняв голову и обводя взглядом четыре этажа над ними.

– Господи, нет конечно! Вы будете жить в квартире на первом этаже. Этот вход – общий для четырех квартир.

Мэдди открыла дверь в крошечный, затхлый коридор без окон. Загорелся свет. Дверь располагалась слева, а небольшая закрытая лестница вела в верхние квартиры. Кейт подумала, что во всем этом есть что-то захватывающее.

За входной дверью открывался небольшой коридор с потертым паркетом в елочку. Прямо впереди была ванная, а следующая дверь вела в гостиную с голыми стенами и высокими потолками. Вся мебель была из «ИКЕА», несколько потрепанная. Зато был большой телевизор и несколько полок с DVD.

– Это не дворец, но есть две спальни с большими кроватями, хорошая кухня, и, поскольку вы будете жить на первом этаже, у вас будет доступ к небольшому дворику через кухню, – объяснила Мэдди, добавив: – Если кто-то из вас курит, вам придется выходить на улицу. Фиделис просила передать свои извинения, что не смогла прийти. Она ведет переговоры по контракту с автором.

Двери на кухню и в спальни вели в большую гостиную. Кейт и Тристан заглянули туда: все выглядело немного потрепанным, но чистым. Тристан подергал дверь рядом с полками для DVD в гостиной, но она была заперта.

– Это наш шкаф «Эйрбиэнби»⁶, как мы его в шутку называем, – сказала Мэдди. – Мы храним там все принадлежности – постельное белье, туалетную бумагу и тому подобное.

– Форрест помогает вам управлять вашим «Эйрбиэнби»? – спросила Кейт.

⁶ Airbnb («Эйрбиэнби») – онлайн-площадка для размещения и поиска краткосрочной аренды частного жилья по всему миру.

– Да. Он суперхозяин⁷, и он действительно супер. – Мэдди улыбнулась, но Кейт заметила, что она немного нервничает.

Ее очки запотели, и она сняла их, чтобы протереть грязной салфеткой. Без очков Мэдди выглядела как слепой маленький крот. Она снова надела их и постаралась взять себя в руки.

– Хотите кофе? У меня есть еще час, прежде чем нужно будет возвращаться в офис.

– Да, было бы неплохо немного поболтать, – сказала Кейт.

– Хорошо. – Мэдди ушла на кухню.

Кейт и Тристан быстро определились, кто какую спальню займет – те оказались примерно одного размера и с одинаковой обстановкой. Разложив сумки и вынув зарядное устройство, Кейт посмотрела в окно, на маленький бетонный квадрат, примыкающий к зданию позади, которое представляло собой лабиринт окон и водосточных труб, и порадовалась, что в Эшдине у нее такой прекрасный вид – на море и целые акры пляжа.

Мэдди ждала их с тремя дымящимися кружками растворимого кофе. Окно гостиной выходило на Перси-Сёркус, и Кейт могла видеть, как кусок инея снаружи тает под лучами восходящего солнца. Мэдди так и не сняла пальто.

– Я только что включила отопление. На кухонном столе лежит папка со всеми инструкциями для приборов и паролем от вайфая.

Повисло неловкое молчание. Кейт и Тристан сели на диван напротив Мэдди. Кейт отпила глоток черного кофе и постаралась не сплюнуть.

– С чего вы думаете начать? Вы прочитали переписку Томаса Блэка с Джудит?

– Да, – сказала Кейт.

– Интересно, не правда ли? Томас мне кажется очень умным и склонным к манипуляциям человеком. И тот факт, что его путь пересекся с Питером Конуэем, который мог похитить Джейни...

Мэдди говорила быстро и легко, но ее глаза ярко блестели, и, может быть, она все же побаивалась? Кейт не могла понять, что она за человек, и следующий вопрос постаралась сформулировать как можно неформальнее:

– Почему вы нам не сказали, что Форрест дружил с Робертом Дрисколлом?

Повисла гнетущая тишина. Мэдди уставилась на них.

– О. – Ее смехок прозвенел, как будто разбилось стекло. – Не то чтобы он... дружил с Робертом.

Тристан достал распечатанную статью из газеты и пододвинул к Мэдди.

– На странице Форреста в «Википедии» упоминается, что его прежде звали Фред Паркер и что он вырос в микрорайоне Голден Лейн. Мы копнули немного глубже и нашли эту статью от марта восемьдесят восьмого года. Фред, Роберт Дрисколл и еще один парень по имени Роланд Хакер ходили в один и тот же молодежный клуб на Олд-стрит. Все они упомянуты в этой статье о нарисованной распылением фреске, которую они помогли спроектировать.

Тристан достал фотокопию фотографии Форреста, сделанной в начале девяностых, и положил на столик. К статье прилагалась цветная фотография Роберта, Фреда и Роланда, стоявших возле фрески. На миг на лице Мэдди промелькнуло испуганное выражение, но тут же сменилось другим.

– Подождите-ка... – Она помолчала и вдруг просияла улыбкой, в которой было все, кроме радости. – Я... Компания «Стаффорд и Кларк» – ваш клиент. Не думаю, что ваша работа – расследовать информацию обо мне... о нас. Мы с Форрестом вместе уже почти семь лет. Мы помолвлены и собираемся пожениться...

– Вы же понимаете, что мы должны задать этот вопрос? – сказал Тристан.

– Да. Я просто не ожидала, что попаду в засаду.

⁷ Почетный статус для арендодателей на «Эйрбиэнби».

– Это засада? Форрест напрямую связан и с Джудит Лири, которая знала Томаса Блэка. Почему об одной связи вы упомянули, а о другой нет?

– Потому, Тристан. Это не имеет никакого значения. Форрест никак не связан с Джейни Маклин. Он был в ужасе от всей этой истории. Перестал общаться с Робертом, когда его арестовали.

Кейт смотрела на Мэдди, пораженная ее наивностью или же настойчивостью – она не вполне понимала, что именно это было.

– В связи со сложившейся ситуацией нам нужно поговорить с Форрестом.

– Конечно. Уверена, с этим проблем не будет. Он и сам собирался поговорить с вами, правда, по поводу статьи в «Риал Крайм». – Мэдди резко поднялась, запустила руку в карман пальто. – А теперь мне правда пора возвращаться в офис. Вот ваши ключи. Главный вход, парадная дверь, задняя дверь, ведущая во двор. – Она положила на стол два комплекта ключей. – Я попрошу Форреста вам позвонить. Как я уже сказала, он рад будет пообщаться в любое время. А теперь извините.

Миг – и входная дверь захлопнулась. Кейт и Тристан ошарашенно застыли, а потом поднялись, подошли к окну и стали смотреть, как Мэдди переходит дорогу, наклонив голову и оживленно разговаривая с кем-то по телефону. Она выглядела совершенно другим человеком. Деловитым и уверенным.

– Что это было, черт возьми? – спросила Кейт.

– Я думаю, ваш вопрос ей пришелся не по вкусу, как нам этот кофе, – сказал Тристан. – Неужели она искренне считала, что мы не узнаем о Форресте?

– Слава богу, мы подписали контракт. Думаю, нам нужно вооружиться дополнительной информацией. Съездить в Голден Лейн. Нанести визит Роберту Дрисколлу.

Глава 12

Полуденное солнце косо светило сквозь щели четырех стен тюрьмы Уэйкфилд, которую в Британии прозвали «Особняком монстров». Питер Конуэй прошел сквозь двери, медленно и с трудом двигаясь, всем телом опираясь на трость.

На следующий день его ожидал стоматолог. Зараженные десны болели так сильно, что он не мог ни спать, ни есть, и от этого совсем ослаб.

Двое сопровождавших его охранников помогли ему пройти по коридору из камеры.

С момента госпитализации он заметил, что отношение людей к нему изменилось. Через несколько недель ему должно было исполниться пятьдесят девять, и, беспомощный, слабый, беззубый, он чувствовал себя львом, уже не способным рычать. Его больше не выводили в общий прогулочный двор, и теперь ежедневную дозу свежего воздуха он должен был получать в другом дворе, поменьше, где никогда раньше не бывал и где компанию ему составлял лишь детоубийца Томас Блэк, сидевший в инвалидной коляске.

Несмотря на слабый солнечный свет, Томас Блэк всегда носил огромные очки и шерстяную шляпу. В первые десять лет заключения он был крепким, мускулистым мужчиной. Но рак разрушил все его тело снаружи и изнутри, и теперь его было не узнать. Дверь закрылась, на тридцать минут заперев их во двореке, и Томас взглянул на Питера. Единственный квадрат голубого неба был виден наверху, сквозь тонкую сетку. Через окно за ними наблюдал санитар.

Мысль о том, что остаток дней он проведет в тюрьме, больше не пугала Питера. Теперь это означало лишь, что за решеткой он состарится и умрет – и в этом что-то да было. Он считался высокопоставленным заключенным. Его боялись. С ним обращались по-другому – не лучше, но по-другому. Его уважали.

Но теперь Питер видел, что он стареет, и стареет некрасиво. Он вспомнил, что говорил по этому поводу один из его коллег, еще в другую эпоху, когда он был полицейским: вот тебе тридцать, вот сорок, а к пятидесяти ты станешь уксусом или вином – это зависит от тебя.

– Вот куда нас отправляют перед живодерней? – спросил Питер, ковыляя к Томасу.

– Это и есть живодерня. Просто пока мы об этом не знаем, – сказал Томас. – Они забрали мой мочевой пузырь и кишки. И, насколько я знаю, забрали твои зубы.

– Завтра они заберут остальное.

Томас сверкнул жуткой хеллоуинской улыбкой.

– Генри Йейтс хорошо тебя отделал, да? – Он издал шипящий звук, его плечи затряслись.

– Это смех третьей или четвертой стадии?

– Четвертой. От любого движения я немного припускаю в штаны, но мне подвесили мешок. – Он потер пальцем под очками. – Вообще-то, ты мне должен спасибо сказать. Я вызвал охрану.

– Ты выждал несколько минут, просто наблюдая.

Томас вновь зашипел.

– Сам виноват, не устоял на ногах. Что бы ни случилось в драке, если на ногах устоишь, рожу тебе не перекроют.

– Сколько тебе осталось жить?

– Говорят, полгода.

Глядя на Томаса, можно было сказать, что ему осталось еще меньше. На хорошее вино он уж никак не походил. Уксус до мозга костей.

– Запишу в ежедневник, – пообещал Питер.

Повисла тишина. Он обвел взглядом жалкий дворик – гулять тут по кругу в его состоянии было просто смешно. Тут и собака не разлеглась бы.

Томас поправил шерстяную шапку и пристально посмотрел на него. Питер знал историю каждого заключенного. Знал, кто из них как попался. Томаса Блэка полиция остановила из-за неисправных стоп-сигналов. В задней части его фургона нашли полумертвую девушку, завернутую в брезент. Ему было сорок два года.

В газетах всегда пишут истеричные статьи о том, что худшие из серийных убийц Великобритании содержатся в роскошных условиях: питание лучше, чем в больнице, личный телевизор. Может, это и правда, но справедливость все равно торжествует – к старости. Питер видел, что близится и его черед. Его тело становилось хрупким и сморщенным, он превращался в кислый уксус. Блэк стал никчемным стариком, и его никто уже не боялся. Что будет с Питером, когда он станет таким же? Когда окажется во власти сиделок, которые будут кормить его с ложки и вытирать ему задницу? Вот что его ужасало.

Томас снял гигантские солнцезащитные очки. Его высохшая рука была усеяна темными синяками, словно чернильными пятнами. Причмокнув сухими, потрескавшимися губами, он взглянул на окно, где у экрана работал санитар, не проявляя интереса к двум старым чудовищам.

– Подойди ближе, – велел Томас, протянув ему руку.

– Тянуть тебя за палец я не буду, – сказал Питер.

Ему было неприятно смотреть на Томаса, на его дряблую кожу, свисавшую с костей. Томас вновь облизнул губы. Его язык был похож на засушенную ящерицу.

– Ты слышал, что мои письма продали с аукциона? – с гордостью в голосе сказал он.

– А, те, что ты отправлял той усохшей старой корове с Южного побережья?

– Иди в задницу, Конуэй.

– Ну прости. Усохла только ее дыра между ног, все остальное было вполне ничего.

– Все. У тебя был шанс, – сказал Томас, пытаясь через стекло привлечь внимание санитаря.

– Ладно, ладно. Я просто шучу. Не злись. Я знаю, что она была...

– Она была, – сказал Томас, поджав губы.

– И что с письмами?

Томас медленно почесал нос, снова надел очки.

– В одном из них я писал что-то насчет тебя и нераскрытого дела об убийстве по твоему бывшему месту обитания.

– По *нашему* бывшему месту обитания, – поправил Питер.

– Кажется, какая-то компания в Лондоне, издательство или вроде того, что-то вынюхивает. Они связались с моим адвокатом по поводу авторских прав на мои письма. И похоже, тут замешана мамаша твоего мальчика.

– Кейт?

Томас кивнул.

– Они хотят поговорить с нами. Они могут заплатить. Деньгами... или даже лучше. Деньги тут можно потратить разве что в столовой, а вот влияние – то, чего нам не хватает.

– Кто?

– Что значит «кто»?

Питер поднял глаза на санитаря, но тот был по-прежнему занят своими делами.

– Кто жертва-то?

– Девчонка.

– Молодая?

– Четырнадцать лет. Джейни Маклин.

– Никогда о такой не слышал, – поспешно отрезал Питер, но тут же добавил: – А ты?

Томас поднял руки и ухмыльнулся.

– Я тоже, я тоже. Мы оба знаем, как это работает. Люди со стороны хотят кое-что знать. Мы кое-что знаем.

– Да ты прямо поэт, – сказал Питер.

Он переступил с ноги на ногу и оперся на палку. Томас погрозил ему костлявым пальцем.

– Ты боишься потерять свое достоинство, Питер. Я это вижу. Но тебе нечем крыть. Вот тебе шанс поторговаться. Тебя могут перевести. Дать условия получше, отдельный душ и туалет. Место, где можно встретить старость получше, чем в этой адской дыре.

– А что выиграешь ты?

– Я хочу пройти химиотерапию в больнице. В настоящей больнице для обычных людей. Я не могу умереть тут, с медсестрами и врачами, которые меня ненавидят.

Питер посмотрел на него. Он понял.

– Что ты знаешь об этой Джейни Маклин?

– То же, что и ты. Ничего, – сказал он, постукивая себя по носу и вновь сверкая ужасной улыбкой.

– Ладно. Что нам делать?

– Мой адвокат сказал, что скоро кто-то захочет с нами поговорить.

Глава 13

Микрорайон Голден Лейн располагался недалеко от микрорайона Барбикан. Кейт вспомнила, что несколько раз бывала там, когда жила в Лондоне. В Барбикан были квартиры, кино-театры, концертные залы и рестораны, роскошные по меркам девяностых. Дом Роберта Дрисколла находился через дорогу, зажатый между офисными высотками. Это было такое же brutальное здание, как «Виктория-Хаус», и казалось, что его просто плюхнули сверху, когда район был уже построен, хотя на самом деле оно было старше большинства зданий поблизости.